

ЧИТАЙТЕ В НОМЕРЕ:

2

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

ПАРАДИГМА ИСТОРИИ, ИЛИ КОГДА ИСТОРИЯ
ПЕРЕСТАНЕТ БЫТЬ ПОЛИТИКОЙ?

3

ЗА ВЕРУ, ЦАРЯ И ОТЕЧЕСТВО!

О НАЙДЕННЫХ ДОКУМЕНТАХ ВРЕМЕН ПЕРВОЙ МИРОВОЙ
ВОЙНЫ, ПРИНАДЛЕЖАВШИХ АЛЕКСАНДРЕ ШПАК ИЗ Д. МИКИТСК

4

СВОИМИ ГЛАЗАМИ

ДЕТСКИЕ ВОСПОМИНАНИЯ ОБ ОККУПАЦИИ И ОСВОБОЖДЕНИИ В
1944 Г. ВАСИЛИЯ ШАФРАНА ИЗ Д. ЗАПЛЕСЬЕ

20

ФЕНОМЕН ВАСИЛИЯ ОМЕЛЬЯНЧИКА

БИОГРАФИЯ УРОЖЕНЦА Д. ХОМСК, ПЕРЕЖИВШЕГО
ОККУПАЦИЮ И ТЯЖЕЛОЕ ДЕТСТВО И ДОСТИГШЕГО ДОЛЖНОСТИ
ЗАММИНИСТРА АВТОМОБИЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СССР

ТЭМАТЫЧНЫ ДАДАТАК КРАЯВЕДА

ПРЫСВЕЧАНЫ ІМЯНІНСКАМУ СЕЛЬСАВЕТУ

7

ПО СЛЕДАМ БРАТЬЕВ-БАЗИЛИАН
(ИСТОРИЯ ТОРОКАНЬСКОГО
УНИАТСКОГО МОНАСТЫРЯ В Д.
ИМЕНИН)

7

ВСЕ, ЧТО ПОМНЮ
(ВОСПОМИНАНИЯ БОРОДЫНИЧ МАРИИ
ИЗ Д. ИМЕНИН)

8

ВРАГИ НАРОДА
(ВОСПОМИНАНИЯ ЕВГЕНИИ МАРУШКО
ИЗ Д. ИМЕНИН)

12

ПРОЖИТЫЕ ГОДЫ
(ВОСПОМИНАНИЯ ПАВЛЮЧИК
АНАСТАСИИ ИЗ Д. ИМЕНИН)

13

ПО СЛЕДАМ ШКОЛЬНОГО МУЗЕЯ
(ИСТОРИЯ НЕДАВНО ЗАКРЫТОГО
МУЗЕЯ В ИМЕНИНСКОЙ СРЕДНЕЙ
ШКОЛЕ)

14

БЫЛО ТЯЖЕЛО
(ВОСПОМИНАНИЯ МАРИИ КАЙКО
ИЗ Д. ИМЕНИН)

15

ПОД ЗНАМЕНЕМ КОМИНТЕРНА
(БИОГРАФИЯ СЕКРЕТАРЯ БРЕСТСКОГО
ОКРУЖНОГО КОМИТЕТА КПЗБ ИВАНА
ТАРАСЮКА ИЗ Д. ИМЕНИН)

16

ВРЕМЯ БЫЛО ТАКОЕ...
(СТРАНИЦЫ БИОГРАФИИ ФЕДОРА
СТУПАКА ИЗ Д. СУКАЧИ)

17

ЧЕРЕЗ ДВА ВОЙНЫ
(КОРОТКАЯ БИОГРАФИЯ ФЕОДОСИЯ
ГАЙЧУКА ИЗ Д. ИМЕНИН,
ПРОШЕДШЕГО ГРАЖДАНСКУЮ И
ВЕЛИКУЮ ОТЕЧЕСТВЕННУЮ ВОЙНЫ)

18

**ГАЛЕРЕЯ ПОГИБШИХ И ПРОПАВШИХ
БЕЗ ВЕСТИ ИЗ Д. ИМЕНИН**

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

ПАРАДИГМА ИСТОРИИ, ИЛИ КОГДА ИСТОРИЯ ПЕРЕСТАНЕТ БЫТЬ ПОЛИТИКОЙ?

В начале этого года в России закончилось обсуждение нового учебно-методического комплекса по российской истории. Ещё в прошлом году президент России В. Путин поручил директору Института всеобщей истории РАН Александру Чубарьяну заняться подготовкой новой версии средневековой истории для системы образования. По словам Путина, в едином учебнике истории не должно быть «идеологического мусора». По его мнению, учебник должен воспитывать патриотизм и гордость за Великую Россию и внедрять в сознание изучающих историю мысль о единстве и неделимости России.

Читая новый учебник, получается, что нынешняя Россия является правопреемницей Киевской Руси, Орды, Московии, Российской Империи, СССР. Я думаю, что подход к созданию истории «Государства Российского», которую вслед за Карамзиным пишут нынешние академики, ошибочный.

Ведь правительство Ленина в 1917 г. официально заявило, что РСФСР не является наследником царской России – ни в плане долгов, ни в исторической преемственности. Через 70 лет в 1991 г. в СССР произошла буржуазно-де-

мократическая революция, свергнувшая коммунистическую власть и приведшая к распаду государства рабочих и крестьян, потребовавшая нового осмысления истории Российской Федерации в XIX веке.

В этом плане, учёным, чётко была поставлена задача – написать «не лыком шитую» историю, а ту, которая возвысила бы русского человека и привила ему чувство патриотизма и любви к России. И эту историю написали учёные из РАН во главе с директором института всеобщей истории Александром Чубарьяном.

Кажется, что более правильно будет назвать предмет не «Историей России», а «Историей российского народа». Ведь сама Россия возникла лишь при Петре Первом. И это многонациональное государство, которое Владимир Ленин называл «торьма народов».

В новом учебнике заложена мысль о том, что Россия всегда только кого-то «освобождала» или «дарилась свободой». Возникает вопрос: «От кого именно она защищала народы?». От своего государства и суверенитета? На примере истории ВКЛ это хорошо видно, особенно по «присоединению» его к России во второй половине XVIII века. Ведь с точки зрения

россиянина Александр Суворов – генералиссимус-патриот, который способствовал захвату империей новых земель и народов. Для нынешних белорусов, поляков и литовцев – это душитель национально-освободительного восстания под руководством Тадеуша Костюшко и просто оккупант.

Думаю, что следствием нового подхода по осмыслению прошлого будет изменение некоторых взглядов и на историю ВКЛ, а это значит, что нынешние белорусские учебники снова переписут. Изменится в какой-то мере и история стран СНГ в связи с новыми российскими учебниками. Но их, по-моему, отвергнут в странах СНГ как не соответствующие национальным интересам.

То, что происходит с историей в соседней с нами стране, уже было в прошлом, когда Императрица Екатерина пригласила для написания новой истории Российского государства немцев. Немцы и написали выгодную для Екатерины и Пруссии историю. Тогда и появилась версия, что первым Киевским князем был Рюрик. Остальные события истории Московии и Орды они писали в выгодной для Романовых интерпретации. В связи с этим старые рукописные книги были подправлены, а иные уничтожены. Уже тогда история стала большой политикой.

Великим реформатором прошлого стал русский царь Пётр Первый, который ввёл для России новый календарь. До этого летоисчисление велось от сотворения

Мира, который возник в 5508 г. до нашей эры. Если вести летоисчисление по древнему календарю, то сейчас должен быть 7522 г.

Интересным является и новый подход к осмыслению истории Монголо-татарского ига и Орды. Оказывается, никакого ига и не было. Орда – это и есть Московия (Тартария). Да и в знаменитой Куликовской битве сражались между собой удельные князья, которые являлись интриганам и не хотели централизации власти.

Возникает вопрос: «А будет ли общий учебник истории для стран СНГ?». Я думаю, что нет. Может быть общим только сравнительно небольшой промежуток советского периода истории, ну например, Великой Отечественной войны. Ведь после распада СССР бывшие республики пошли различными путями. Новый российский учебник навязывает другим свою модель политического развития новейшего времени. Это также является препятствием для создания единого учебника истории стран СНГ, так как история всюду является элементом политики. И вообще, суверенный статус постсоветских государств предполагает, что у каждого должна быть своя суверенная история. Нельзя воспитать патриотизм у казаха или белоруса, изучая историю по российскому учебнику. Вот в чём парадокс парадигмы развития СНГ. Старший брат конечно же обидится и в угоду ему в некоторых странах СНГ могут написать учебники с примесью «идеологического мусора», лишь бы не дразнить старшего брата. А кому это будет выгодно? Вот суть вопроса.

**Директор военно-исторического музея
Сергей Граник**

ЗА ВЕРУ, ЦАРЯ И ОТЕЧЕСТВО!

В этом году исполняется 100 лет со дня начала Первой Мировой войны. События, с ней связанные, прокатились и по нашей территории. Тысячи уроженцев Кобринского уезда Гродненской губернии принимали участие в боевых действиях на российских фронтах, а многие сгинули в окопах, сражаясь «за Веру, Царя и Отечество». Эта война, к сожалению, была неудачной для Империи. Следствием её стали две революции 1917 г. и захват власти большевиками во главе с В.И. Лениным.

Наш Военно-исторический музей им. Удовикова собирает документы об уроженцах Дрогичинщины – участниках той войны.

Вот и недавно мы нашли очень интересные документы, рассказывающие о том, что крестьянка села Микитск Бездежской волости Кобринского уезда Александра Шпак Приказом № 708 от 17 декабря 1915 г. была награждена войскам III армии серебряной Георгиевской медалью «За храбрость» 4-й степени. Вместе с документами оказалась и фотография совершившей подвиг женщины.

Зная некоторые данные, мы написали запрос в Военно-исторический Архив Российской Федерации. Через некоторое время нам пришёл ответ:

«На Ваш запрос сообщаем... Приказом войскам III армии Западного фронта от 17 декабря 1915 г. за № 708 крестьянка Гродненской губернии, Кобринского уезда, Бездежской волости, села Микитск Александра Лукьяновна Шпак награждена Георгиевской медалью «За храбрость» 4-й степени за

№629245 за то, что «несмотря на сильный огонь противника, приняла большое участие в спасении канцелярского имущества».

По счастливой случайности у нас оказались чудом сохранившиеся документы – Удостоверение к серебрянной Георгиевской медали 4-й степени, выданное штабом III армии, с правом на ежегодную денежную выдачу и Аттестат, выданный штабом 298-го Мстиславского пехотного полка 75-й пехотной дивизии, на ежегодные выплаты в размере 12 рублей.

Что же касается событий лета и осени 1915 г., то они неблагоприятно складывались для Русской Армии, которая отступала.

75-я пехотная дивизия была сформирована в Брестской крепости на базе 38-й кадровой дивизии в мае 1914 г. Созданное соединение состояло из 1-й и 2-й пехотных бригад и 75-й артиллерийской бригады. В 1-й бригаде были 297-й Ковельский и 298-й Мстиславский пехотные полки, а во 2-й бригаде 299-й Дубненский и 300-й Заславский пехотные полки. Артиллерийскую бригаду сформировали в г. Пружаны. В конце августа 1914 г.

после предварительного слаживания и обучения дивизию, которой командовал генерал Штегельман, перебросили в крепость Иван-Город. 298-м пехотным полком в то время командовал полковник Владимир Субботин.

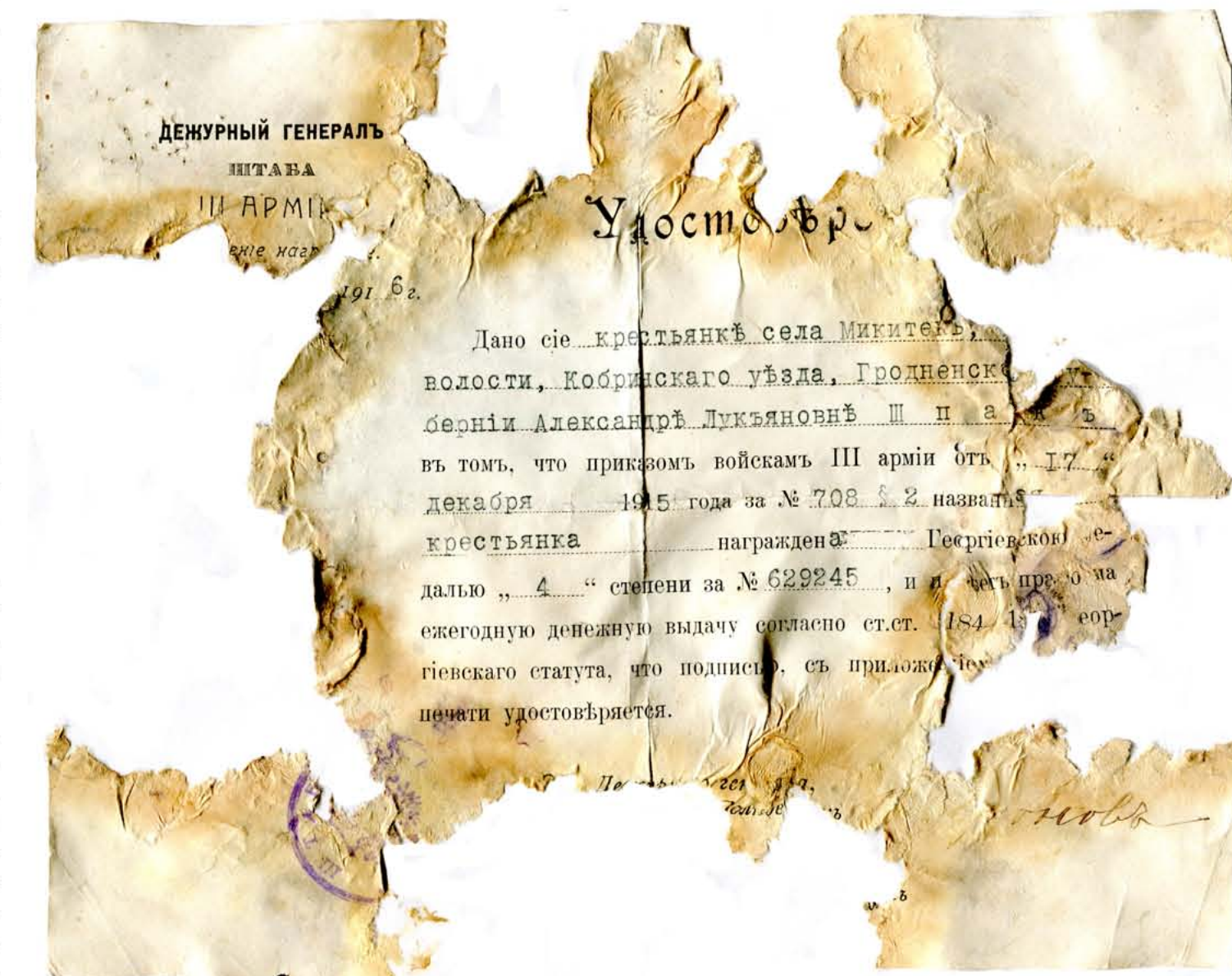
Летом и осенью 1915 г. 75-я дивизия в составе 31-го армейского корпуса III-й армии Юго-Западного фронта активно обороняла Пинский район во время общего наступления фронта на Брест и Ковель. Особо отличился в боях 297-й Ковельский полк.

О том, что на Дрогичинщине в 1915 г. шли бои, свидетельствуют оставшиеся кладбища погибших солдат в деревнях Огдемер, Осовцы, Симоновичи. Есть захоронения русских солдат в д. Завершыце, Корсунь, Брашевичи, Сварынь и Хидры. Поисковая работа продолжается, и мы будем рады любой информации о наших земляках-участниках Первой Мировой войны и местах неучтённых захоронений, которые, несомненно, есть.

**Директор военно-исторического музея
Сергей Граник**

Александра Лукьяновна Шпак

Василий Шафран около своего дома в д. Агдемер с участниками молодежного патриотического клуба «Азимут».
Фото Ивана Теребунского

СВОИМИ ГЛАЗАМИ

Воспоминания о пережитом жителем д. Заплесье Василия Шафрана

Ценность этого материала в первую очередь заключается в том, что он не подвергался цензуре. Мой собеседник рассказывал то, что видел. И это ни в коем случае не снижает ценность исторических событий. Важно как видели войну и как к ней относились простые люди, а в данном случае – дети. Я благодарен Василию Шафрану за интересный рассказ.

Мои родители

Я родился в 1931 г. в д. Заплесье Дрогичинского повета Полесского воеводства Польши. О своих родителях:

Отец: Шафран Николай Тарасович

Мать: Шафран Феодосия Васильевна

У моего отца, Николая Шафрана, было пять детей, таким образом, у меня были три сестры и брат.

Во время Первой Мировой войны в августе 1915 г. семью моего отца эвакуировали в Россию. Так они оказались на Волге в Самарской губернии. Их разместили в д. Усиха. Царское правительство платило пособие на каждого члена семьи. Многие находили возможность подработать. Мой отец пас у зажиточного мужика волов, овец

и гусей. За это ему давали еду и зерно. Там впервые, по рассказам отца, семья попробовала белый хлеб. У нас на Полесье пшеницу не выращивали, и для выпечки хлеба использовали лишь рожь. Когда свергли Царя, и поменялась власть, началась тотальная агитация в поддержку большевиков.

Брат отца Иван стал работать в местном сельском комитете. Была установлена продовольственная повинность. Нужно было спасать новую власть и голодающие города. В состав комитета вошли и представители беженцев. На заготовку продуктов присылали людей с оружием. Однажды пришло девять человек, среди которых была одна женщина. Они начали заготовку продуктов на нужды армии и рабочих. Время было неспокойное, поэтому многие люди закапывали хлеб и прятали всё самое ценное,

чтобы не забрали. Своя семья была дороже всего.

Приезжали и агитировали одни за Царя и белых, а другие за большевиков. Неожиданно в деревню нагрянули красные и расстреляли сорок человек за то, что они не поддержали новую власть и прятали хлеб. После этого дядю Ивана мобилизовали вместе с лошастью и телегой для перевозок военного снаряжения и продовольствия формируемым частям большевиков. Таким образом, Иван оказался в составе группы продразвёрстки. На фронт он тогда чудом не попал. Простые и малограмотные люди не всё понимали, но они были склонны поддержать тех, кто обещал мир народам и землю крестьянам.

Интересной была история с лошадьми для Чапаевской дивизии, которую часто рассказывал мой отец.

В тех местах, где жили наши женщины, воевала против Колчака дивизия под командованием Василия Чапаева.

Однажды отец залез на крышу дома и смотрел, как цепь красных бежит в направлении деревни. В Усихе в то время были белые. Вокруг стрельба. Под пулёмётным огнём цепь залегла. В это время выскочил из дома мой дед и кричит на сына (моего отца):

– Слезай, а то убьют! ... мать тебя!

Потом пошла вторая цепь чапаевцев. Им на этот раз удалось отбить деревню. Власть поменялась. Чапаев отправил гонца и приказал созвать деревенских мужиков. Как только они собрались, гонец передал приказ срочно готовить сорок подвод. Но люди, прослушав приказ, разошлись по домам. Не захотели снаряжать телеги на нужды красноармейцев. В отместку за это Чапаев приказал из артиллерии открыть огонь по деревне. Через некоторое время огонь стих. Зазвонил колокольный набат в церкви. Чтобы избежать жертв люди теперь начали собираться с телегами. Местные мужики телеги готовы были отдать, но сами не желали идти с ними на фронт и старались нанять для сопровождения кого-то из беженцев. Один местный зажиточный крестьянин договаривается с моим отцом, чтобы он сопровождал его телегу. Отцу в то время было 19 лет. Нужно было, когда всё закончится, вернуться с лошастью и телегой к хозяину. В дорогу ему дали крупу, кожух и всё, что могло пригодиться. Однако местные люди решили откупиться у командира полка и собрали ему хороший «магарыч» с выпивкой, едой и другими, пользующимися спросом вещами. Он взял и сказал, чтобы они пригнали лошадей в пене и мокрыми. По этой причине он может от них отказаться. Так и сделали. Он подписал бумагу возчиком об отказе ввиду непригодности использования загнанных лошадей для участия в боевых действиях. Через несколько дней отец и остальные мужики вернулись в д. Усиха. Хозяин забрал лошадь и оставил отцу кожух, крупу и всё что ему давал в дороге, а тот ему вернул телегу.

Из беженцев наши вернулись после подписания мирного договора с Польшей в 1921 г. Но дома в Заплесье отец не остался, так как всё было сожжено. Посмотрел на разорённое хозяйство своей семьи и уехал в Лунинец, где поляки заготавливали лес для лесопильного завода. Там он проработал девять лет.

Жили лесозаготовители в бараках. За тяжёлую работу им хорошо платили, но всё равно нужно было возвращаться в Заплесье, где уже обустроилась родня.

В начале войны через нашу деревню по шоссе в направлении Пинска шло массовое отступление разрозненных частей Красной Армии и бегство мирного населения. В небе над шоссеной дорогой постоянно летали немецкие самолёты, которые обстреливали и бомбили всё, что двигалось, поэтому основная масса отступающих шла ночью. В начале войны станцию Липники бомбили немецкие самолёты. Там тогда много вагонов сгорело и станционных построек.

Помню, что раненых везли на машинах и повозках. Красноармейцы, их сопровождавшие, просили мою мать, чтобы напихала в мешки соломы или сена и дала им. Где-то 24-го июня движение по дороге прекратилось. Было понятно, что немцы рядом. На следующий день, 25-го июня, их колонна появилась и в Заплесье.

Накануне восточнее деревни, на краю леса у шоссе, красноармейцы наспех подготовили оборону. Видимо, командир получил приказ задержать продвижение врага в сторону Пинска.

Немецкий самолёт-разведчик, постоянно круживший над дорогой и лесом, обнаружил позиции красноармейцев и выпустил с борта красную ленту в их сторону. После обеда 25-го июня 1941 г. я видел, как через деревню двигались немецкие солдаты на велосипедах. Как только немцы проехали деревню и оказались на открытой местности, по ним из леса ударили красноармейцы. Немцы бросили велосипеды и заняли оборону в кювете дороги. Через некоторое время на дороге появился бронетранспортёр, под прикрытием которого они и отошли в деревню. Немцы понимали, что если идти в атаку без подготовки, то у них будут большие потери. Они начали ждать основные силы и создавать позиции для пулемётов и миномётов.

От транссирущих пуль загорелись дома и сарай в Заплесье. Мы в это время спрятались в выкопанном на огороде блиндаже. Дымом заволокло всё кругом. Было трудно дышать.

Ближе к вечеру, как только дым затянул деревню, командир красноармейцев с криком «УРА!» поднял их в атаку. Они бежали плотной цепью, стреляя на ходу по врагу, засевшему в Заплесье. Потом люди рассказывали, что наши стреляли не прицельно, и снаряды, которые летели, немцам урона не нанесли.

Жители прятались где могли, так как вокруг свистели пули и слышны были взрывы мин. Немцы, подпустив русских на дальность прямо-

Своими глазами

В конце июня 1941 г. после начала войны через нашу деревню по шоссе в направлении Пинска шло массовое отступление разрозненных частей Красной Армии и бегство мирного населения. В небе над шоссеной дорогой постоянно летали немецкие самолёты, которые обстреливали и бомбили всё, что двигалось, поэтому основная масса отступающих шла ночью. В начале войны станцию Липники бомбили немецкие самолёты. Там тогда много вагонов сгорело и станционных построек.

Помню, что раненых везли на машинах и повозках. Красноармейцы, их сопровождавшие, просили мою мать, чтобы напихала в мешки соломы или сена и дала им. Где-то 24-го июня движение по дороге прекратилось. Было понятно, что немцы рядом. На следующий день, 25-го июня, их колонна появилась и в Заплесье.

Накануне восточнее деревни, на краю леса у шоссе, красноармейцы наспех подготовили оборону. Видимо, командир получил приказ задержать продвижение врага в сторону Пинска.

Немецкий самолёт-разведчик, постоянно круживший над дорогой и лесом, обнаружил позиции красноармейцев и выпустил с борта красную ленту в их сторону.

После обеда 25-го июня 1941 г. я видел, как через деревню двигались немецкие солдаты на велосипедах. Как только немцы проехали деревню и оказались на открытой местности, по ним из леса ударили красноармейцы. Немцы бросили велосипеды и заняли оборону в кювете дороги. Через некоторое время на дороге появился бронетранспортёр, под прикрытием которого они и отошли в деревню. Немцы понимали, что если идти в атаку без подготовки, то у них будут большие потери. Они начали ждать основные силы и создавать позиции для пулемётов и миномётов.

От транссирущих пуль загорелись дома и сарай в Заплесье. Мы в это время спрятались в выкопанном на огороде блиндаже. Дымом заволокло всё кругом. Было трудно дышать.

Ближе к вечеру, как только дым затянул деревню, командир красноармейцев с криком «УРА!» поднял их в атаку. Они бежали плотной цепью, стреляя на ходу по врагу, засевшему в Заплесье. Потом люди рассказывали, что наши стреляли не прицельно, и снаряды, которые летели, немцам урона не нанесли.

Жители прятались где могли, так как вокруг свистели пули и слышны были взрывы мин. Немцы, подпустив русских на дальность прямо-

го выстрела, открыли шквальный пулёмётный огонь. Атака захлебнулась. Сотни бойцов были убиты и ранены. Раненые красноармейцы на открытом поле ещё долгое время вели огонь, прикрываясь телами убитых. Когда у них закончились патроны, было понятно, что нужно или сдаваться в плен или стреляться. Многие раненые, кто был в состоянии нажать на курок, застрелились. Немцы, обойдя позиции красноармейцев, зашли им в тыл с другой стороны железной дороги и добились тех, кто остался в окопах.

Практически все, кто держал в тот день оборону на краю леса, погибли. Вечером немцы осматривали поле боя. Раненых пристреливали, а кто мог ходить, забрали и отвезли в Дрогичин, где у них был развёрнут полевой госпиталь.

Деревня догорала, солнце зашло, и ночь была относительно спокойной, без стрельбы. Утром немецкий офицер через переводчика приказал мужчинам похоронить убитых красноармейцев. Делали братские могилы по 10 человек в каждой. Среди убитых было много офицеров. Всего в тот день захоронили более 250 человек. Оружие также собрали и по приказу немцев сложили в кучу в центре деревни у дороги.

Я смотрел, что происходило на поле, и видел, что из подбитого танка, который стоял на обочине дороги, вытащили двух танкистов и похоронили в кювете. Я залез на танк и хотел посмотреть, что внутри. Заметив это, немец подбежал и стянул меня с танка. Потом схватил за ухо и начал крутить. У меня после этого любопытство пропало, и дальше я только издали наблюдал за происходящим.

Оружие собирал солтыс. На поле боя и в окопах его валялось много. Я тоже нашёл себе винтовку, но она была без затвора, т.к. немцы выбросили затворы в канаву. Я залез в воду и вскоре нашёл нужный мне затвор.

Своих убитых немцы также забирали. Говорили, что увезли в Германию. Через некоторое время нашли ещё 13 немцев, которых похоронили на краю нашей деревни. Потом привезли ещё двух и похоронили на углу, у перекрёстка дорог. Глубоко не закапывали в надежде, видимо, на то, что смогут перезахоронить, однако эти 15 немцев так и остались лежать в нашей деревне. На этих немецких могилах стояли кресты с фамилиями и был написан номер части и дата гибели.

Шла война...

Вместе с пацанами летом я пас коней. За деревней были ямы с водой и я полез искупнуться. Купаясь, наступил на какой-то предмет. Вытащил его из воды и увидел, что это винтовка. Подходит мой товарищ, который был на три года старше меня. Посмотрел, а в магазине два патрона. Решили попробовать, стреляет ли она. Положили винтовку на насыпь, но никто не осмелился нажать на курок. Этот мой друг берёт палку и издала нажимает на курок. Винтовка выстрелила. В деревне взрослые услышали, что мы стреляем. Прибежали мои отец и мать. Отец взял винтовку и ещё раз выстрелил вверх, а затем отнёс её солтысу.

В войну больше года стояли в Заплесье немцы. Это была небольшая часть, которая занималась восстановлением автомобильной техники. Жили они по хатам. Офицерам подбирали дома получше. Я летом пас корову. Загоню её в сарай, и вместе с детьми бегу к ним на кухню. Они просили помочь почистить картошку или поколоть дрова. Мы даже посуду им мыли. Относились к детям солдаты хорошо. Когда нужно было собирать крапиву для супа, давали рукавицы, и мы им собирали. За помощь повара давали нам конфеты или сахар. Бывало, что помогали немцам вытаскивать из грязи застрявшие легковые машины. Увидев, как машина буксует, подбегали и помогали её вытолкать на шоссе. После этого шофёр открывал кабину и приглашал «помощников» прокатиться. Дети набивались в машину и даже садились на капот, чтобы проехать.

В этой мастерской были пять власовцев. Они носили немецкую форму и хорошо разговаривали по-русски. За деревней они оборудовали стрельбище. Там проверяли оружие, которое также ремонтировали. Насыпали высокие валы земли, для того, чтобы пули случайно кого не убили. Мы туда часто ходили смотреть, как они стреляли, но нас близко не подпускали, а зачастую прогоняли.

Старостой деревни был оставшийся в окружении офицер, перешедший на сторону немцев. Он жил в нашей деревне и доводил людям, что нужно собирать для оккупантов. План был на зерно, молоко, сало и тёплую одежду.

Помню, как к нам однажды зашёл пожилой немец. Достал карточку, где был записан состав семьи (7 человек) и указано, что мы имеем 1,5 га земли и 3 га сенокоса. Он сказал, что из нашей семьи нечего брать. Сразу же достал и дал отцу хлебные карточки. С ними брат ходил в Дрогичин и получал

Участники молодежного патриотического клуба «Азимут» на месте боя, который вспоминал Василий Шафран. Фото Ивана Теребунского

СВОИМИ ГЛАЗАМИ

хлеб. Иногда приносил и белый хлеб. В войну это был деликатес. До сих пор помню вкус и запах того хлеба.

При немцах у нас в деревне некоторое время работала школа, но в неё я походил лишь неделю. В одной части школы находились мадьяры. Во дворе они наставили повозок. Видимо, наш учитель (он был из Ровин) был связан с партизанами. Топил печку он сам. В один из дней, когда было уже холодно, прибежал и закричал:

- Школа горит! Быстро домой!

Мы и разбежались по домам.

Ещё один наш учитель (он учил старшие классы и был из восточных) ушёл в партизаны. А было так. Однажды он подходит к дяде Ивану и просит завести его семью в Вавуличи. Дядя согласился. Вернулся обратно и через некоторое время его немцы арестовали, так как кто-то из людей донёс, что он вёз семью учителя к партизанам. На допросах дядька говорил, что его просил учитель завести не в партизаны, а к врачу. Видимо поверили его словам и выпустили.

Моя сестра также ходила помогать на кухню немцам. За работу они с ней рассчитывались конфетами или консервами.

Всю войну мадьяры охраняли мост на железной дороге между Липниками и Огдеммером. На этом участке несколько раз партизаны подрывали эшелоны. Сначала, правда, по очереди несли охрану железной дороги безоружные местные жители, но потом немцы выставили вооружённую охрану.

Освобождение

В начале лета 1944 г., в Липниках несколько дней стоял немецкий эшелон с ранеными, так как под Дрогичином партизаны взорвали мост. Этот эшелон наши самолёты бомбили. Были убитые. После восстановления моста эшелон ушёл.

Помню, что на дороге между Заплесьем и Огдеммером партизаны заложили мину. Повозка с мадьярами наехала на неё, и от взрыва погибли солдаты и офицер. Услышав взрыв у моста, я бросился бежать туда, но мать меня поймала и не пустила. Через некоторое время, когда мадьяры уехали, я все же пошёл на то место и насобирал разбросанных по дороге конфет. Для меня это было очень большой удачей, так как конфеты в войну были большой редкостью.

Видел, как партизаны пытались взорвать эшелон, который шёл на фронт. Паровоз тянул вагоны медленно. Прогрел взрыв. Паровоз слетел с рельс и остановился. Несколько дней немцы восстанавливали дорогу.

...Расстреляли в деревне одну семью. А было так.

Два брата взялись пасти немецкий скот. Возле железной дороги стояла вышка. Там постоянно дежурили мадьяры. Партизаны узнали про скот и решили его забрать. Мужчины этой семьи, думая, что дети справятся, остались работать дома, а подростков оставили пасти коров. К пастухам подошёл партизан без оружия. Подарил детям

что-то вкусное. А за это попросил подогнать скот к лесу. Дети так и сделали. У леса партизаны на лошадях забрали скот и погнали на Гуту. Немцы спохватились, но было поздно. Через некоторое время пришёл незнакомец, похожий на партизана и начал благодарить за помощь в угоне немецкого скота и предлагать им уйти к партизанам. Один из братьев этой семьи предложил ему перенести это на завтра, сказав, что нужно ещё собрать вещи, а часть спрятать.

Со скотом к партизанам ушёл из этой семьи один подросток, сказав, что его отец побьёт за то, что отдал скот. Так он спасся, оказавшись в партизанах.

Тот человек, что пришёл, был немецким шпионом. На следующий день утром, нагрянули немцы, забрали две семьи и увезли в Дрогичин. Их после пыток расстреляли у железной дороги. Погибли тогда из одной семьи три девочки и родители. (В книге «Память» Дрогичинского района нет сведений о расстрелянных мирных жителях д. Заплесье)

Помню, как шло освобождение. По шоссе отступали немецкие части. Шла непрерывная стрельба. Некоторые дома и сараи загорелись

Погибла одна девочка, а второй ногу оторвало. Немцы, отступая, минировали железную дорогу, а дети уже после освобождения пошли туда гулять и подорвались на mine.

Когда фронт ушёл на запад, па-

цаны рассказали, что в траве за деревней лежит автомат. Договорились спрятать его за железной дорогой, а когда будут пасть лошадей, – пострелять. О находке я сообщил отцу, и он забрал найденный немецкий автомат и отдал стоявшим в нашей деревне красноармейцам. Офицер взял его и выстрелил в воздух оставшиеся патроны. А потом говорит отцу:

- Что дать парню за то, что нашёл автомат?

Я попросил у офицера солдатский ремень. Он мне его дал.

После этого случая, гуляя за деревней с друзьями, нашли несколько гранат. Решили испытать их. Легли за бугор, и старший из нас взял гранату, выдернул чеку и бросил в яму. Взрыв. Лошади, которые паслись недалеко, спугнулись и рванулись в поле. Из деревни прибежали взрослые и нам за такое безобразии хорошенько всыпали.

Вот таким было моё военное детство. Своими детскими глазами я всё видел, и хорошо запомнил.

Успенская Церковь

Чтобы снести церковь в д. Липники, власть пошла на хитрость. Чиновники понимали, что люди так просто не дадут снести храм, поэтому прислали прораба из Пинска, чтобы он сделал разметку для новой церкви. На следующий день привезли бригаду строителей, и те начали разбирать старую церковь. После её сноса, новую церковь никто не построил.

Колхоз

После войны через несколько лет началась повторная коллективизация. У нас забрали в колхоз всё имущество и корову.

Я постоянно работал в бригаде. Председателем колхоза был Сухоцкий. Сельсовет был в Липниках и Огдеммере.

В колхозе было очень трудно. Нам оставили одну корову. Лошадь отец отвёл в колхоз. В 1944 г. когда шло наступление, красноармейцы забрали у отца хорошую лошадь, а ему отдали побитую и раненную. В колхозе скот кормить было нечем, поэтому зимой лошади дохли от голода. Пропала и наша лошадь.

Когда мне исполнилось 18 лет, меня призвали в Армию.

**Воспоминания записал и обработал
Директор военно-исторического музея
Сергей Граник**

тэматычны
дадатак

КРАЯВЕДА

По следам братьев-базилиан

Тороканьский монастырь впервые упоминается в письменных источниках в 1517 г. До подписания Брестской церковной унии в 1596 г. он являлся православным, после начался постепенный переход монастыря в русло новой униатской церкви. Тороканьское имение должно было обслуживать униатскую семинарию, которую намеревался здесь открыть Ипатий Патеи. В конце XVI в. на территорию ВКЛ из Рима прибывает известный греческий богослов Пётр Аркуди, чтобы поднять авторитет Унии. В Торокани он занимается подготовкой униатских священников. В 1613 г. монастырь окончательно становится униатским.

В 1710 г. Тороканьский монастырь был передан Ордену Базилиан. К тому моменту там уже были построены новые более просторные здания. Развитию монастыря значительно способствовал и тот факт, что со второй половины XVIII в. там размещалась курия протоархимандрита Ордена Базилиан. Сам монастырь в это время стал духовным центром униатов Беларуси, Галицкой области Украины и юго-западной части Польши. «Золотой век» продолжался до разделов Речи Посполитой.

В 1838 г. император Российской Империи Александр I законодательно утвердил упразднение Унии, начались гонения на униатов и насильственный перевод их в православие. Некоторое время Тороканьский монастырь сопротивлялся воле императора и принимал к себе униатских священников и верующих. Монастырь постепенно приходил в упадок и к началу XX в. действующей оставалась одна лишь Богоявленская церковь.

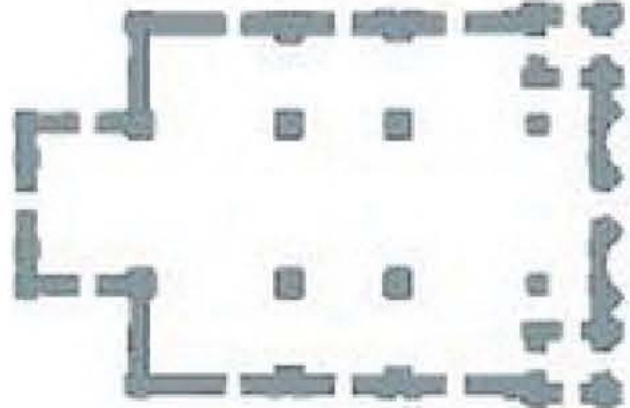
После Первой Мировой войны галицкие братья-базилиане стали направлять миссионеров в различные уголки мира. Пытались они закрепиться и на Полесье, но эта попытка не увенчалась успехом. Тем не менее, нельзя не отметить деятельность в Торокани в 1926 г. представителя ордена Павла Демчука. До своего появления на Полесье этот священник служил в Риме в папской курии Св. Езавита, Генеральным прокуратором Закона Ордена Базилиан и профессором Львовской семинарии. Именно он в 1915 г. отыскал в д. Белая на Подляшье святые реликвии униатского архиепископа-мученика Юзефата Кунцевича.

В 1935 г. базилиане совершили новую попытку утвердить свою миссию в Торокани, но различные преграды со стороны православного духовенства не позволили это сделать. Между тем, многие пожилые жители Именин и близлежащих деревень до сих пор помнят униатского священника Даната Новицкого. В их памяти он остался не только как духовный лидер, но также как учитель и меценат. Многим молодым людям из деревень, окружавших Тороканьский монастырь он дал дорогу в жизнь. Своей деятельностью Данат Новицкий заслужил одобрение Папского Апостольского нунция, посетившего монастырь в 1938 г. В 1939 г. после раздела Польши священник покидает Торокань. Скончался он 17 августа 1971 г. в селе Изобеллин под Варшавой.

Тороканьский монастырь вошел в историю не только как мощный духовный, но и культурный центр. Еще со времён пребывания Петра Аркуди в нём создаётся школа и библиотека. Существовала при монастыре и иконописная школа, из которой выходили настоящие произведения искусства. Нет сомнения, что работы «неизвестного зёловского мастера второй половины XVIII в.» («Исход Святого Духа на апостолов», «Благовещение», «Апостолы Томаш и Ян», «Пророки Моисей и Даниил» и др.) были написаны в Тороканьском монастыре.

С приходом Советской власти в 1939 г. Богоявленская церковь была закрыта. В послевоенное время монастырские постройки использовались для хозяйственных нужд колхозом «Родина». В 1959 г. церковь по приказу партийного руководства была взорвана.

**Науч. сотр. военно-исторического музея
Олег Яскович**

ВСЁ, ЧТО ПОМНЮ

Воспоминания Бородинич Марии Ивановны из д. Именин

Родилась я на хуторе возле д. Деревная. Этот хутор до войны насчитывал 45 хат (хозяйств). Он так и назывался – Деревное.

Помню бой между партизанами и немцами на хуторах. Немцы поджигали перед отступлением хаты. Партизаны открыли стрельбу и напали на немцев. Это было для них неожиданным, и они начали отступать через болото. Помогло партизанам и то, что лошади врага завязли в болото. Они повернули обратно на Радунь и соединились с другой группой отступавших, чтобы двигаться в сторону Именин.

Этот бой был в июле 1944 г. во время освобождения. Мой отец, задолго до этого всё самое ценное конём вывез и спрятал на Радунь.

Партизаны к нам на хутор не приходили. Были у нас бежавшие из плена, несколько человек. Отец их кормил. Потом пришли партизаны, начали их допрашивать и выяснять, кто они. Одного вывели и, несмотря на то, что он просил не расстреливать его, так как у него были малые дети, всё равно расстреляли. Видимо, он был офицер.

В школу я ходила в Деревную. Там был сельсовет. Спиртзавод находился в усадьбе за деревней. Его в войну не сожгли. Помню, что после войны мужики ходили и из чанов вычерпывали сусло. Один пьяница из Именин пришёл за брагой и так напился, что обратно домой не дошёл. Упал и сгорел. Пытались его потушить, но не смогли. Спиртзавод оказался бесхозным, поэтому вскоре после войны его разобрали.

В колхоз наша семья вступила сразу, в 1949 г. Первым председателем избрали Деркача, а колхоз называли «Родина». Через пару лет наш и соседний колхозы объединили с центром в Именинах.

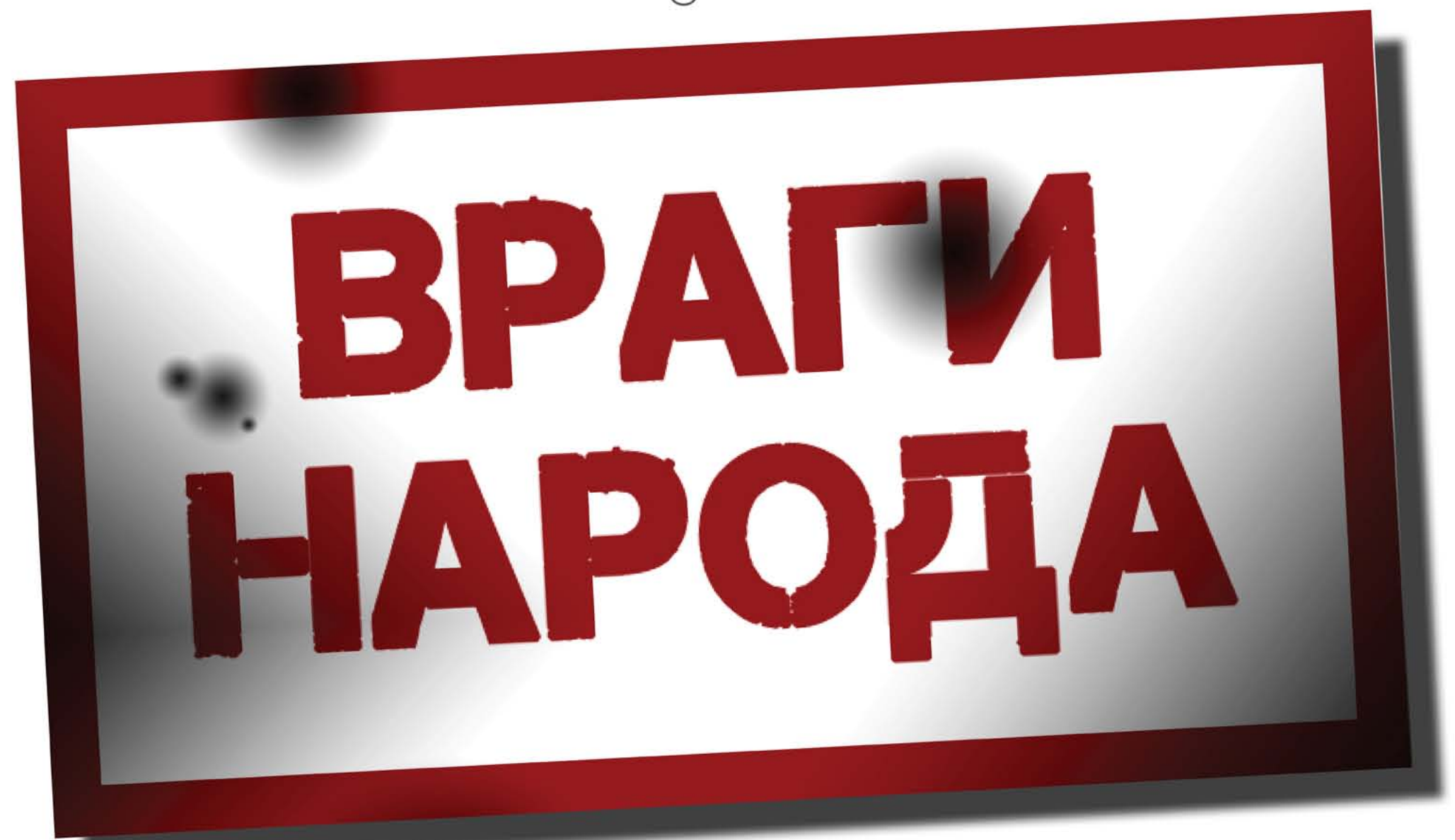
Церковь в Деревной была деревянная и существовала после войны недолго. Председатель колхоза Деркач её не тронул. А вот когда председателем стал Якимович, у него появилась идея из церкви сделать склад удобрений. Для этого нужно было развалить церковь. Но из местных никто не согласился это сделать.

В это время в Деревной бригадиром был молодой партизнец по фамилии Минчук. Ему и дали партийное поручение снести церковь. Он на гусеничном тракторе решил это сделать. Полез на крышу, зацепил тросом купол и трактором его свалил. Но пришли люди и не дали дальше ломать церковь. Он же ночью её поджёг. Храм сгорел.

Судьбы организаторов уничтоживших церковь можно предвидеть. Прожили они недолго.

Проработала я всю жизнь в колхозе в полеводческой бригаде.

**Директор военно-исторического музея
Сергей Граник**

Евгения Марушко.
Фото Ивана
Теребунского

Я пережила войну и хорошо помню события тех страшных дней. Хоть наша семья и выжила в грозные годы испытаний, но ярлык «врагов народа», прилепленный к нам, так и остался, несмотря на оправдательный приговор по делу моего отца. С этим ярлыком мы жили всегда и живём сейчас. Этот тяжёлый камень давил мне на грудь, причиняя боль и страдания больше, нежели сами пережитые годы войны...

Немного расскажу о своей семье. Моя девичья фамилия Соколовская. Мой папа, Соколовский Алексей Васильевич, при царе закончил духовную семинарию. У отца было 6 братьев и сестра. В то время с высшим образованием в Тороканях было два человека. После окончания семинарии отец женился. Его жена родила девочку и при родах умерла. Бабушка забрала ребёнка и начала «годовать». Отец после возвращения из беженцев устроился в Дрогичине войтом. Это было уже при Польше. Вскоре он женился второй раз – на моей маме. Она родила ему четверо детей, в том числе и меня. Хозяйство у отца было большое: коровы, конь и овцы. На хозяйстве работали все, но больше всего мама. Семья жила в деревне, а папа своей лошадью

ездил на службу в Дрогичин. Вскоре эта езда ему надоела, и он перебрался в Торокань солтусом (старостой). Это было необходимо ещё и потому, что мама не могла сама справиться с хозяйством и детьми. Так отец начал работать в деревне и помогать маме по хозяйству. После этого нам стало намного легче. И вдруг неожиданно началась война. В сентябре 1939 г. пришли к нам красные. Жизнь изменилась. Папу новая власть поставила в Тороканях директором школы, поэтому, что учителей не было. Были и свои кадры. Курсы по их подготовке организовало Антопольское РОНО в нашем маёнтке (монастыре). Но подготовленные там на скорую руку советские кадры не умели учить детей. Брат моего отца также имел высшее образование. Вот они-то и были самыми грамот-

ными в деревне. Братья работали в школе, и это им очень нравилось.

Справка: Брат отца, Соколовский Степан Васильевич, 1903 г.р., имел высшее образование. В 30-е гг. прошлого века был активистом КПЗБ и другом председателя Брестского окружного комитета КПЗБ Ивана Тарасюка. С первых дней войны принимал участие в партизанском движении. Был партизаном отряда им. Кирова и вторым секретарём Антопольского подпольного райкома партии. Погиб в последнем бою во время освобождения района от немецко-фашистских оккупантов 17.07.1944 г. Похоронен на кладбище д. Именин.

Мир был недолгим. Вдруг снова война. Напали на нас немцы. На третий день войны они были уже в Антополе. Через некоторое время установилась новая власть. Однажды, в июле 1941г., приехали в деревню из Антополя немцы и предложили отцу снова стать солтусом. Отец согласился, потому что хорошо знал людей, и люди ему доверились. Через некоторое время немцы начали по малейшему подозрению или доносу убивать людей. Тогда только отец понял истинную цену немецкой власти. После очередной расправы оккупантов над людьми он пришёл домой и рассказал матери о том, что творили немцы. По его мнению, работать на такую власть было опасно, потому что, она против народа. Нужно было что-то делать.

Заведующим РОНО в Антопольском районе в 1940 г. был Солонович. Его хорошо знал отец. Он не успел эвакуироваться и остался в оккупации. Через некоторое время устроился на работу к немцам. Несмотря на войну, дружба отца с ним продолжалась.

Отец познакомился с партизаном и получил задание через Солоновича устроить своего полицая в комендатуру Антополя. Но сделать это было очень тяжело. Немцы проверяли всех на преданность. Поэтому отец пошёл на хитрость. Договорился с партизанами, что он сообщит немцам подслушанный разговор о партизанах. Он так и сделал. Немцы решили проверить, правду ли сказал им мой отец, и рано утром выехали на лошадях в направлении д. Деревная, где должны были находиться партизаны. Командовал карателями лично комендант гарнизона.

Партизаны устроили недалеко от деревни засаду. Как только появились немцы, они начали стрелять, коменданта полиции ранили, а остальных убили. Главное по замыслу, чтобы раненного немца спас наш человек. Так и случилось. Согласно задания, коменданта вытаскивает из-под обстрела парень

лет двадцати из Деревной. Этого молодого и смелого человека звали Петя. Он, рискуя жизнью, и сыграл роль спасителя коменданта. Под пулями Петя взвалил немца на спину и по лесу нес аж в Антополь. Партизаны шли на удалении за ними, чтобы другие не убили коменданта. Но всё прошло по плану. Немец быстро поправился после ранения. Выйдя на службу, предложил Пете должность в полиции.

Эта хитрость привела к тому, что у отца и Солоновича сложились хорошие отношения с немцами и полицией в Антополе. Они после этого чувствовали себя более уверенно. Потому что знали о намерениях оккупантов и дружили с комендантом.

В деревне жили несколько таких людей, за которыми немцы охотились. Это были те, кто имел связь с партизанами или чьи близкие ушли в лес. Доносчиков тоже хватало. В Бродке была какая-то "Лэса". Она заявила в Антопольскую полицию на односельчанина Михаила Домбровского, что он якобы прячет партизан. У Домбровских было в семье восемь человек. Полиция неожиданно приехала забирать его в Антополь на допрос. Отец не знал об этом и как раз в это время поехал в лес за дровами.

Приезжает, а мать ему говорит: -Забрали Домбровских.

Отец быстро распряг коня, вскочил верхом и поехал догонять полицию. Догнал их под Антополем в ур. Хвойники. Там была вырыта яма и Домбровские уже стояли в готовности к расстрелу. Отец сказал полицая из Антополя, что даёт гарантию в том, что эта семья не сотрудничает с партизанами и что Мишу Домбровского он очень хорошо знает. Показал бумаги, подтверждающие, что Миша выполнял все его требования и даже заготавливал для немцев продукты. Подумав, полицай поговорил с немцем и отпустил эту семью.

Часто ночью приезжали к Деркачу из нашей деревни партизаны. Об этом знали многие (он был председателем колхоза после войны). Папа его предупреждал, что немцы узнают о связи с партизанами и семью расстреляют. Так и произошло. Однажды папа ночью отправляет меня срочно к ним предупредить и передать, чтобы уходили в лес. Попросил сказать, чтобы не забыли оставить на столе еду и надкушенный хлеб. Это нужно было, чтобы избежать подозрения, что кто-то из полиции предупредил их заранее. Так Деркач и сделал. И в этом случае удалось сохранить жизни партизанской семье.

Много раз отец подобным образом спасал односельчан от расстрела, однако немцы узнали о том,

что папа связан с партизанами.

Помню, иногда папа писал мне на руке сведения и отправлял в Дубовики. Недалеко, в Лужках стояли немцы. Они наблюдали оттуда, кто идёт от деревни к деревне. На детей, как правило, не обращали внимания. Я иду по дороге к дяде Мише Домбровскому и дрожу от страха. В Дубовиках дядя Миша переписывал то, что у меня было написано на руке, а потом срывал. После этого давал корзинку с едой и отправлял домой. Один раз дядя Миши не было, вместо него я увидела другого человека. Бросилась бежать по кустам в Именины. Незнакомец меня тогда так и не догнал. Потом он рассказывал отцу, как ловил меня и они оба смеялись.

Неожиданно ночью к нам является Солонович. Он ездил на немецком мотоцикле, который работал практически беззвучно. Приехал и вбегает в дом с криком: - Соколовский, быстро уходи в лес! Немцы утром придут тебя арестовывать!

Попроцавшись с отцом, Солонович исчез.

Отец и мать были готовы бежать, поэтому все необходимые вещи были уже связаны. Их просто побросали на телегу. Корову забрали и поехали. К рассвету мы были уже под Тыневичами. Когда рассвело, слышим, как что-то взорвалось в Именинах несколько раз. Потом выяснилось, что немцы в наш дом через окна и в сарай бросали гранаты. Боялись заходить в дом, думая, что партизаны его заминировали.

Вскоре мы оказались на хуторе в Чеховцах. Там была партизанская зона. На хуторе жил дядя моего отца и его сын. У них мы и решили прятаться.

Однажды нас, детей, на хуторах Лужки поймали немцы. Гнали под конвоем три километра в Алексеевичи. Сестра Валя тогда сильно испугалась. Мы поняли, что немцы сделали нас заложниками. Положили нас на кучу глины в деревне и сказали местным жителям, что если партизаны выстрелят, то они расстреляют детей. Но все обошлось, и вечером нас отпустили. Сестра моя после этого случая долго не разговаривала, болела. От страха у неё обострился порок сердца. Она после войны еле училась. Закончила пединститут. Проработала в школе восемь лет и врач запретил ей дальше работать. Дали группу. Потом она жила с нами.

В списки отряда нас не включил командир, потому что отец был солтусом, а это прецедент, который трудно было объяснить начальнику особого отдела. Он, видимо, боялся, хотя от помощи отца

не отказывался.

В Чеховцах у нашего дяди жило три семьи - семья из Городца, мы и семья из Люлькович. Всего около двадцати человек. Организовали поочерёдное наблюдение. Ведь и сюда могли нагрянуть немцы.

В Бродке жила папина двоюродная сестра. Она рассказывала, что к одной вдове прибилась бежавший из плена капитан Красной Армии. Фамилия его была Подгорный. А было всё так.

Рано-утром в дом врываются люди, одетые кто во что, с оружием на взводе. И орут с матами:

- Где этот трус и предатель? Из соседней комнаты выходит одевая рубашку Подгорный.

- Пойдѣшь с нами в партизаны.

Говорил, видимо, главный из вооружившихся в хату. А он им в ответ:

- Много сейчас болтаются по лесам вооружённых людей и кто его знает кому они служат. Я никого не трогаю, и прошу Вас, оставьте меня в покое.

Неожиданно по стене над столом ударила очередь из автомата. В доме все закричали. После удара прикладом по спине капитана вытолкали на улицу. Старший отдал ему команду идти к сараю. Подгорный посмотрел на стоящих у порога плачущих жильцов дома, у него уже был ребёнок от дочери хозяйина, и со слезами на глазах сжав зубы и кулаки медленно пошёл в сторону сарая.

Он дошёл до колодца когда прозвучал выстрел.

Так, за то, что человек отказался идти в партизаны, его прямо у дома и расстреляли.

Я эту историю хорошо знаю. Папа и мама долго рассуждали про этот случай и не могли понять, за что расстреляли капитана.

В Чеховцах, где мы жили, часто собирали чернику в лесу. Командир выставил для детей охрану – деда с пистолетом. Помню, что собирали ягоды у могилы. Там, говорят, был закопан убитый партизан. Стоял на могиле деревянный крест. После войны были на том месте, но найти ничего не смогли. Нет уже и Чеховцов. Сейчас там поле. А когда-то был богатый фольварок.

Помню, как командир, которого звали Ваня, отправлял молодых парней на железную дорогу для подрыва эшелона или на какое-то другое задание. После инструктажа группа уходила. Командир ждал их, пока они не вернутся, и даже спать не ложился. Я всё это видела. Возвращались иногда не все, были и раненные. Один раз помню, что с задания не вернулись два молодых партизана.

Отец хотел найти своего брата в

Продолжение на след. стр.

ВРАГИ НАРОДА

Начало на пред. стр.

отряде им. Кирова. Он был командиром роты. Но тут уже двигалось с Востока освобождение. Немцы начали отступать. Вдруг показался возле нашего хутора немецкий танк. Подъехав к дому, остановился. Вылез из люка немец и по-польски спросил у отца, как называется это место. Отец догадался, что они заблудились, и ответил по-польски, что уже вокруг Красная Армия. Немец подумал и дал команду всем вылезти из танка и сдаться. Получилось, что мой отец без единого выстрела захватил танк, а экипаж разоружил.

При мне наш командир расстрелял одного партизана из другого отряда за мародёрство. Он крал кур. Было и такое, что он ставил к стенке папу, даже стрелял над головой и требовал, чтобы отдал га-лифе.

Другой партизан насиловал деревенских девочек. В Дубовиках жила Соколовская Любовь Николаевна. Он к ней прицепился и ловил эту Любу. Даже стрелял в неё. Напившись, говорил:

— Умру, но всё равно изнасилую. Постоянно избивал её.

Потом наш командир узнал об этом. Ему рассказали, что этот гад изнасилывал девять девушек. Он сразу же разоружил его и говорит:

— Бери лопату, и пошли, Николай, в лес.

Из леса он пришёл один.

После войны этого гада искала мать из Алексеевич.

Люди ей говорили:

— Кого ты ищешь? Он бандит и насильник.

А ей не верилось, что он таким был. Мать думала, что люди наговаривают на сына. Долго ещё его искала...

Пришло долгожданное освобождение. Мы с Жеником от счастья бегали и кричали.

— Победа! Победа! Победа!

Потом два месяца лечили нам в больнице голосовые связки. Вернулись домой. А вокруг дома всё заросло бурьяном и травой. В хате, пока нас не было, содрали пол и потолок, забрали окна и двери. Думали, у солтуса можно брать, ведь

он враг.

Так закончилась война для нашей семьи и деревни. Отец боялся, что его за то, что служил немцам и полициям, посадят в тюрьму. Люди начали говорить отцу, что подтвердят то, что он спас много своих. Однако, сельчане говорили одно, а МГБ делало своё дело, и всё равно его арестовали.

Помню, как выводили отца из хаты со связанными руками. Малый брат и все мы начали голосить диким голосом. Понимали, чем для нас может закончиться визит людей с оружием.

Так наш отец, Алексей Соколовский, оказался под следствием в тюрьме. Обидно было, что деревня большая, людей много и никто на суд не пришёл, чтобы защитить отца. Всё ограничилось разговорами и заявлениями типа: "Не бойся, Лёша, мы тебя в обиду не дадим".

Племянник отца, Соколовский Алексей Игнатьевич, был председателем Зёловского сельсавета, и тот слова не замолвил. Он при Польше сидел в тюрьме за политику. С его хаты полиция посрыгала кулики, когда делали обыск. Тогда отец за него заступился. Лёша боялся говорить с врагами и думал, что это может повлиять на его карьеру. Всё это мы выдержали. Особенно мать и отец.

Пока отец был под следствием, мы голодали. Помню, как варили на воде лебеду и ели. В деревне все на нас смотрели как на врагов народа, и даже сторонились при встрече на улице.

И вот суд. Мы всей семьёй ходили на него. Папа ждал, что появится командир того отряда, с которым он был связан. И постоянно вместе с мамой смотрели на дверь в зале суда. Но он не появлялся.

По-моему, на последнем заседании суда вдруг открывается дверь и входит командир отряда. Мой маленький братик Женя со-кочил с маминых рук и кинулся к нему с криками:

— Дядя Ваня! Дядя Ваня!

Командир взял его на руки, по-дошёл к судье, достал своё удостоверение и заявляет:

— Соколовского необходимо срочно освободить из-под стражи,

так как он спасал людей и помогал партизанам. В связи с тем, что сейчас не хватает учителей, его необходимо отправить учителем в школу.

Судья, услышав это заплакала, и сказала, что напрасно пришлось издеваться над человеком. В том, что преследовали нашу семью, как мы потом узнали, виноваты были местные коммунисты. После реабилитации, отца назначили директором школы в Тороканях. Он стал получать муку и продукты. Это спасло нас от голода.

Несмотря на это, некоторые люди не успокоились и не поверили в то, что отец был связан с партизанами. В общем «лепили» из него врага народа!

Того командира отряда уже не было. Как потом выяснилось, его с женой и ребёнком сбита в Бресте машина. Защищать отца теперь было некому. Говорили, что того командира специально убрало МГБ, потому что он был честным,справедливым и никого не боялся.

Шло время. Местное руководство считало нас врагами и постоянно издевалось. У нас забрали землю. Корову невозможно было держать, так как пастбища не было. Если удавалось завести поросёнка и продержать его больше трёх месяцев, приезжали и забирали. Купили диван — и его забрали. Купили телёнка — забрали.

Насушили грибов, приехали с мешками и тоже забрали. У нас всё полностью забирали. Отец был враг народа, потому что не хотел, чтобы мать и дети вступили в колхоз, а тем более был войтом и солтусом при поляках и немцах.

Бывало, даже ночью приходили высылать нас из хаты. Но испугавшись незваных гостей, мы, дети, сильно плакали и кричали, поэтому они не решались это сделать.

У нас была большая хата. И на неё положили глаз власти, рассчитывая разместить здесь колхозную контору или медпункт. Сейчас там живёт Пунько. Я её продала ему, чтобы не было проблем. Хата и сейчас выглядит хорошо.

Помню, как семью одного местного жителя вывозили за антикол-

хозную агитацию. Их имущество забрал колхоз. Затем вдовицу Зосю ни в чём не виноватую вывезли, а хату её забрали под медпункт. Должны были и нас вывезти, а имущество забрать.

Предчувствуя это, отец обратился за советом к Солоновичу. Солонович ему открыто сказал, что всё равно выселят и заберут имущество. Мне и сейчас интересно, почему Солонович сумел удержаться при власти советов, немцев и поляков. Видимо, был он очень хитрым. На этот раз Солонович подсказал отцу развестись, а имущество по суду переписать на жену и детей.

Мама подала на развод. И вот суд. Первый раз их не развели и предложили примириться. Тогда отец решил пойти на хитрость и разыграть сцену измены и ревности при свидетелях. Во время вечера отец повёл в сарай мамину подругу Олю, а через некоторое время мама их там "застукала" и учинила скандал. Всё это видели те, кто был у нас на вечерках. Оля и стала основным свидетелем на суде заявив:

— Алексея люблю, и никому не отдам.

Это и стало главной причиной развода. Детей оставили с мамой в доме. Так наш дом сохранился за семьёй.

Солонович после войны долгое время работал в Антополе заведующим РОНО. После объединения района переехал в Дрогичин, и там ещё работал до пенсии.

Всё изменилось после смерти Сталина. Только тогда Алексей Соколовский стал простым человеком, к которому и претензий особых не было со стороны власти. А люди по-прежнему желали мести и расправы с солтусом. Отцу от них не было покоя. Вся оставшаяся жизнь у него на Родине прошла в постоянном страхе за семью.

Тороканский Базилианский монастырь в Тороканях (Именинах) существует с первой половины 16-го века. При монастыре в XVI-XVII вв. действует первая на Польше школа. В 1710 г. вместо деревянных строений были возведены каменные. Тогда в наших краях и появилась первая библиотека.

Саму церковь взорвали в конце 50-х гг. XX-го века, а монастырские постройки сожгли партизаны ещё в 1943 г.

При Польше папа был солтусом, а настоятелем униатской церкви — Новицкий. С папой они были друзьями. Он часто приезжал к нам домой на велосипеде. У него была длинная сутана и поэтому на колёса была одета блестящая сеточка. Он был очень хорошим человеком. Всегда нам помогал. Люди его любили.

Они с папой говорили на разные темы, и о политике тоже. Папа приучил нас, чтобы мы не слушали, о чём говорят взрослые и не мешали разговору. Перед началом беседы детей отправляли на улицу или в детскую комнату. Папа включал батарейный радиоприёмник и они слушали то, что говорили радиостанции различных государств. Прослушав новости они обменивались мнениями о происходивших в мире событиях и рассуждали.

Нас у отца было четверо — Валя (1925 г.), Валик (1929 г.), Женья (1930 г.) и Женик (1932 г.). Папа с мамой пели у Новицкого в церковном хоре. Мы всегда с родителями ходили в церковь. Деревенские дети одеты были на службе плохо, а нас мама одевала всегда красиво. Так требовал отец, потому что считал, что служба в храме — это праздник.

Наша мама была портниха и сама шила одежду. Благодаря её мастерству мы и выглядели лучше всех. Каждое воскресенье мы шли семьёй на службу. После службы Новицкий всех нас приглашал к себе домой. В гостинию приходили угощали конфетами, печеньем и чаем. В его доме всегда было много детей. Приходили подростки из окрестных деревень. У него было интересно.

Мои старшие сестра и брат брали у Новицкого книги и читали их. Библиотека при церкви была очень большая, и для детей он книг не жалел. Храм стоял двухэтажный, высокий и красивый, а рядом с ним находился большой монастырский парк. Можно было видеть купола за много километров. Внутренние своды разрисованы сюжетами из Библии. Говорили, что строили и расписывали своды храма архитектор и художник из Италии.

Уже шла война. Мне пришлось присутствовать при обследовании церкви. Я работала в это время на стройке подсобным рабочим. В Именинах шло строительство сельской электростанции. До этого генератор вращал трактор, и электростанции не хватало. Поэтому решили строить газогенераторную электростанцию и дать свет всей

деревне.

Помню, что на стройку прислали нам молодого инженера. Тот парень начал за мной ухаживать. Я ему нравилась. Нас даже дразнили женихом и невестой.

Однажды ему нужно было ехать в Дрогичин. Он мне и говорит:

— Я еду в Дрогичин и хочу чтобы никто не знал об этом. Привезут цемент, ты его примешь и возмёшь накладные. Цемент должны выгрузить на склад. Смотри, не подведи.

Сказав это, он отдал мне ключи, папку с бумагами, а сам на велосипеде поехал в Дрогичин.

Через некоторое время машина привезла цемент. Я считаю мешки, которые выгружают на склад как вдруг приезжает какая-то комиссия. Вокруг приехавших начал суетиться наш бригадир Приступа. Думал, кого найти, чтобы рассказал приехавшим о храме и монастыре. Мужики сказали ему, что лучше Жени никто этого не сделает. Меня бригадир отправил в машину и повез в церковь. Через некоторое время пришли те, кто должен был оценить её состояние и принять решение — снести или оставить. Всё, что я знала о церкви от отца и Новицкого, я и рассказала. Потом мы зашли внутрь.

В церкви по сторонам от входа стояли два Апостола. Их руки показывали в одно место. Когда мы с отцом были на службе, то он нам говорил, что не случайно. Апостолы руками показывают на то место. Там должны были быть документы. Я и сказала об этом комиссии. Они взяли лом и начали долбить стену. Вскоре пробили дыру, из которой извлекли металлический ящик с документами. Ключик был привязан к ручке ящика. Один из приезжих взял его и открыл. Там оказались документы. Они их не смотрели, потому что язык для них был непонятен. Походили по церкви, спустились в подвал и уехали.

Через несколько дней рано утром мама будит нас и говорит, что приехали взрывать церковь. Мы вышли на улицу и смотрим. Через некоторое время завывла сирена и церковь подскочила вверх, затем донёсся грохот и пыль заволокла всё кругом. Церковь исчезла. Мы долго стояли и плакали. Так и не поняли, зачем они её взорвали.

Наш папа постоянно вспоминал Новицкого и при немцах и перед смертью. Новицкий был очень добрым человеком. Если у кого в деревне была беда, то всегда помогал. Детей направлял учиться за счёт прихода в Польшу. Благодаря ему многие наши дети получили хорошее образование.

Жену Новицкого люди называли матушкой. Она очень любила детей, так как своих у неё не было. Всегда обнимет нас, прижимёт к

себе и говорит:

— Голубки вы, мои!

Закончила я среднюю школу в Именинах. В аттестате все пятёрки, потому что учителем был папа, а учительницей — моя старшая сестра. Они и учили меня. Папа возил в РОНО сдавать экзамены экстерном. Там я их и сдала на пятёрки, хотя в школу всего четыре года ходила.

Уехать учиться не было возможности, потому что младшая сестра Саша сильно заболела ещё в партизанах. Мне пришлось за ней ухаживать, так как она была на группе.

Чтобы как-то выжить, пришлось записаться в колхоз. В колхозе я работала сначала в строительной бригаде. Там освоила специальность каменщика и могла даже самостоятельно класть стену из кирпича. Со временем сама построила себе кирпичный дом, летнюю кухню и курятник.

Меня родители выдали замуж за нелюбимого человека. Я не хотела выходить замуж за Кравчука. А они меня выдали за вдовца, да к тому же ещё и пьяницу. Почему родители сделали это, я не понимала. Они так решили, меня не спросив. А было всё так.

Мама, не долго думая, пошла к Николаю Кравчуку (будущему свёкру), договорилась и сделала записку. Сначала Кравчуку сказала, что за него выходит моя сестра Валя (1925г.). Они были с Кравчуком одного года рождения, а оказалось, что выдают за него меня.

После записки под руки завели в его хату и оставили. Я там только год прожила. Всё время хотела от него бежать к отцу в свой дом.

К этому времени папа вынужден был уехать в Ставропольский край. Причина была в том, что его преследовали. Там он устроился на работу бригадиром на камнерезном комбинате.

Отец писал мне и велел никуда не бежать от мужа. Но я сделала по-своему. Разошлась и второй раз вышла замуж. Родила троих детей: сына Юру, дочерей Тамару и Елю.

Уйдя на пенсию, отец вернулся из России домой. У него была очень большая пенсия — 700 руб. Такой пенсии ни у кого в Именинах не было. Об этом мы никому не говорили, чтобы людей не гложила зависть и злоба.

Колхоз в начале назывался им. Жданова. Бригадир первый был по фамилии Пилипчук. Подойдёт, бывало, к маме и говорит:

— Отдавай девочку на работу. Я знаю, что вас преследуют. Поставлю её на хорошую работу, где хорошо платят.

Когда папа помирал, говорил:

— Дети, что мне делать с костюмами и одеждой?

Те костюмы, что были у папы,

привозил из Польши Миша Домбровский. Он уехал туда с семьёй после войны. Так он благодарил отца за спасение своей семьи. Папа это всё не носил. Когда нужно было идти в магазин, мама брала порваную куртку, пачкала в кроличий навоз и на него одевала. Это делала для того, чтобы местных людей не дразнили зависть и не думали, что Соколовский богатей.

Что мы пережили? Ни один коммунист такого не испытал. При Польше папу уважали и все говорили: «Это пан Соколовский идёт». А при советах, зачастую, коммунисты лишь материли, на чём свет стоит.

Даже учителя при Польше говорили, что если Валя Соколовская не знает урок, то её не заставляют «давать лагу», чтобы ударить линейкой. Нас все уважали. Помню, к отцу приходили учителя Голос и Шиманьский, и они всегда находили тему для разговора. А иногда просто радио слушали, или обсуждали политику, читая польские газеты.

На всё село я была рукодельница. Меня даже нанимали прясть и вышивать. Но мои обиды не забылись. Мне сейчас 84 года, а как вспомню, сердце ноет. Сколько мне пришлось выстрадать за эти годы, одному Богу известно. Мои двоюродные сёстры Соколовская Нина, Власова Тоня и Щерба Нина сидели в лесном лагере и немца не видели. Они сейчас стали партизанками и живут при больших пенсиях. По их рассказам, они что-то охраняли. Один партизан, который был с нами в Чеховцах, после войны обещал помочь мне сделать документы, но я потом отказалась.

Сейчас я стала баптисткой. Считаю, что это самая справедливая вера. Тогда при немцах лежали мы на глине под прицелом, а рядом с нами была баптистка. Она шептала: «Не бойтесь. Нас спасёт Бог. Просите у него спасения». И мы просили под дулами автоматов милости, и Бог нас спас. Это всё сохранилось в моей памяти, как будто было вчера.

У меня сейчас 27 правнуков и 17 внуков. Дай Бог, чтобы у каждого было столько внуков и правнуков. Пусть знают, как страдала семья солтуса Соколовского.

О том, что я услышал от Евгении Марушко пожилой женщины из д. Именин, не имею права не написать. Редко когда человек так искренне вспоминает своё прошлое. Я рад тому, что потратил несколько часов времени на беседу и понял, что идеология не только созидает, но и убивает.

**Директор военно-исторического музея
Сергей Граник**

ПРОЖИТЫЕ ГОДЫ

Павлючик Анастасия Васильевна, или бабушка Настя, как называют её односельчане, - одна из старейших жительниц деревни Именин. Знакома я с этой удивительной женщиной давно, потому что с детства мне было интересно общаться с доброй и мудрой бабушкой, у которой на любой вопрос находился свой, особенный, проверенный жизненным опытом, ответ. Сегодня ей без малого 93 года. Маленького роста, худенькая, лицо изрезано бесчисленными морщинами. Глядя в её добрые глаза, сложно поверить, что они уже почти ничего не видят...

Анастасия Васильевна Кайко была четвёртым ребёнком в семье своих родителей, младше её только один брат, которого женщина до сих пор ласково называет Павлуша. А вот старше её были братья Петя и Тихон, а ещё сестра Анна.

Начиная беседу с бабушкой Настей, я попросила её рассказать о самом главном и интересном в её, почти вековой жизни.

«...Родилась я в Торокани. А точный адрес – воеводство Полесское, повет Дрогичинский, гмина Брашевичи, село Торокань...»

Подробно рассказывает, где стоял родительский дом. Недалеко от дома возвышалась колонна («слуп»), около которой любили играть дети, а местные мальчишки умудрялись даже взбираться наверх. Сегодня нет ни дома, ни колонны. Улица Пионерская проходит сейчас в этих местах.

На вопрос, где её крестили, отвечает: «В Зёловской церкви. Ведь в Торокани храм был униатским». К слову, Анастасия Васильевна всегда отличалась своей набожностью, до недавних пор, пока была не так слаба, посещала церковь.

«Родители мои, - продолжает свой рассказ моя собеседница, - обрабатывали землю. Тогда все работали на земле, и кто работал лучше, тот и жил лучше. У нашей семьи всегда был хлеб и сало, в то время как многие семьи почти голодали».

В те далёкие времена детям приходилось работать наравне с взрослыми. Вот и Настя с раннего

10/03/2014 1

детства освоила все полевые и хозяйственные работы: жала серпом рожь, полола и копала картошку, пасла коров.

В возрасте восьми лет девочка осталась без матери. «Чужая женщина учила меня ткать. Отец посеял лён, и я сама его обрабатывала, полола, рвала, била «прачом», обчёсывала. Потом ткала из него полотно...»

Много раз в разговоре Анастасия Васильевна упоминает отца – говорит о нём как о человеке трудолюбивом и хозяйственном. «Отец был местным мастером. В доме всё было своё, вся мебель из дерева. А ещё он делал алюминиевые ложки, которые люди покупали даже лучше магазинных. Хорошо шла у него торговля с евреями. В Антополь отец вёз шкурки хорьков, пучки хрена, лук, солёные огурцы, яблоки. На вырученные

деньги каждый год перед Пасхой привозил всем детям одежду и обувь. Однажды выменял у еврея на свою продукцию телёнка».

«Училась я в польской школе в Торокани. Закончила четыре класса. Все предметы были на польском языке, и учителя были поляками. А вот занятия по религии проходили в Субботах, в православной церкви. Я хорошо помню фамилии многих учителей, а имена забыла...»

Первой учительницей была Цабаевская, муж её тоже работал в школе. Из-за того что наша учительница часто болела, её заменяли другие учителя – Корчмарик, Голос, Шиманский... Летом учителя водили нас в маёнтки на работу – там мы пололи посевы овса и ячменя. Да и после школы до самой войны девочки ходили на заработки, сначала в маёнтки, где работали на кухне и в поле, после - в

колхоз».

Анастасия Васильевна рассказывает о том, где в 1930-е в Торокани размещалась школа. Постоянного здания не было, поэтому школа работала сначала в одном доме, потом в другом. «На то место, где сейчас поднимается лес, свозили дерево, хотели строить просторную школу. Не успели – началась война...»

Интересуюсь, какие развлечения были у тогдашней молодёжи. Заметно оживившись, наверное, мысленно возвращаясь в свои молодые годы, женщина продолжает: «В маёнтке была большая зала. Как только какой праздник – музыка звучала на всю округу. Собирались много людей, все танцевали и веселились. Но и тем, кто не мог попасть в маёнтки, скучать не приходилось: зимой собирались по хатам, девочки пряли, вышивали, а парни играли на гармошке, рассказывали смешные истории или что-нибудь мастерили. Всем было очень весело. Во время поста гармошка уже не играла, все старались меньше веселиться, быть скромнее и серьезнее. Летом устраивали танцы прямо на улице, девочки босиком так танцевали, что пыль стояла столбом!...»

Анастасия Васильевна, будучи православной, тепло отзываясь об униатском священнике Донате Новицком, который под Новый год всегда устраивал для прихожан ёлку. Благодаря ему многие отправлялись учиться в Варшаву. Помнит бабушка Настя, где стоял дом священника: «Возле церкви с левой стороны росло два больших каштана. Дорога от храма к селу была обсажена липами. На возвышении, там, где сейчас кузница и стоял дом Новицкого».

Вспоминает добрым словом Анастасия Васильевна и хозяина имения Ильинича: «Пан Ильинич любил охоту. Он часто ходил по людским полям в поисках мелкой дичи. Однажды на нашем поле он убил зайца, так принёс его нам, но отец отказался взять добычу пана...»

Как-то осенью мы копали картошку на своём поле. Урожай был очень хорошим. Пан Ильинич проезжал мимо, остановился посмотреть. Одна из женщин, помогавших нам, показала ему несколько картофелин размером с большую ладонь. Пан посмотрел, взял себе две. Потом возил их на сельскохозяйственную выставку в Москву».

Замуж юная Настя вышла в восемнадцать лет. Со своим будущим

мужем Евгением была знакома с детства, вместе учились в школе, только он был старше её на три года. Потом увиделись на танцах. Решительный шаг Евгений сделал на свадьбе своего друга. «На свадьбе у Якима я видела, что Евгений выбирает момент, чтобы подойти ко мне. Он наблюдал за мной, но всё никак не решался заговорить. Только поздно вечером, когда все стали расходиться, поймал меня за руку и больше с того вечера не отпускал...»

Вскоре они поженились и перешли жить к родителям Евгения. Через год в молодой семье родился сын Костя.

Неожиданно началась война. Часто приходили партизаны, требовали одежду и обувь. У Евгения были добротные сапоги, новая одежда (он хорошо зарабатывал, помогая людям в строительстве). Чтобы не отдать последнее, приходилось прятать вещи даже в яслях у коровы. Немцы же забирали только еду.

В деревне было много людей, связанных с партизанами, поэтому немцы жгли их дома. Местные жители узнали о том, что оккупанты собираются сжечь деревню. Но карателям не удалось осуществить этот план – началось отступление.

На войну Евгений ушёл только в 1944 году. А после окончания войны его призвали на год в армию, на Кубань, потому что до войны парень в армии не служил: он был сыном «кулака». «Одно время муж долго не писал писем. У нас уже кроме Кости была Валя, которая отца совсем не помнила, но на вопрос, где папа, всегда отвечала: «Мой папа на Кубани». А вот Костя очень обижался на отца, думая, что тот нас бросил. Однажды сын увидел, как я плачу, подошёл ко мне, обнял и говорит: «Не плачь, мама. Никакой это не отец, раз он нам даже не хочет письмо написать. Вот я вырасту и буду вас с Валей защищать вместо него».

Но Евгений нас не бросил, вскоре вернулся. И сразу же принялся за

строительство нового дома».

Спустя два года, в 1948-м, семья перешла жить в новый дом, который Евгений построил рядом с родительским домом. Дом получился просторный и светлый. Семья жила дружно и счастливо. Конечно, приходилось работать с утра до ночи, чтобы прокормить семью. «Долго ещё после войны было трудно. Кто был здоровым и трудолюбивым, тем было намного легче. Мой муж и отец были мастерами на все руки, поэтому жить нам было относительно легко».

... В 1980 году Анастасия Васильевна овдовела. Давно не было в живых старшего сына Кости, дочь Валентина жила на Сахалине. Только младший, Саша, - в Антополе. Женщина с хозяйством долгое время справлялась одна, никому не жаловалась, не просила помощи, только очень хотела перед смертью увидеться с дочерью. Однажды бабушка Настя получила письмо, в котором дочь писала, что решила вернуться на родину. Думала, по-

следние годы жизни будут счастливыми и спокойными. Но Валентина прожила в родных краях недолго – вскоре умерла. Бабушка Настя пережила и это горе. Сейчас живёт в своём доме с младшим сыном, радуется каждому новому дню и совсем не боится смерти.

В конце нашего разговора Анастасия Васильевна сказала: «Вот как было раньше: люди шли на работу в поле ранним утром, а возвращались всегда при луне. Уставали так, что еле-еле передвигали ноги. Плохо питались, недосыпали, но всегда пели песни и танцевали.

А сейчас? Особым трудолюбием не отличаются, хорошо и вкусно кушают, отдыхают. Люди стали какие-то злые, всем недовольные, всё им мало денег...»

**Воспоминания записала и обработала гл. хранитель военно-исторического музея
Наталья Федосюк
Фото Натальи Федосюк**

По следам школьного музея

Совсем недавно в Именинской СШ был краеведческий музей. Но в связи с капитальным ремонтом школы во время создания агрогородка его демонтировали.

Десятилетия школьники и учителя пополняли его экспонатами, фотографиями, документами. Была проделана большая работа, которую вели учителя истории.

Сейчас, к сожалению, музея нет. И зря его закрыли. Ведь в Именинах и окрестных деревнях проходило много интересных событий в разные периоды истории. Один только Тороканьский Базилианский монастырь, который простоял в этих краях более 400 лет, чего стоит. Много значимых событий было здесь в период Первой мировой войны, при панской Польше и в годы Великой Отечественной войны. Это и было отражено в старом музее. Часть музея и экспонатов хранится в одном из помещений школы.

Мне удалось сделать фото некоторых экспонатов бывшего музея. Среди них есть уникальные артефакты. Думаю, что школа совместно с председателем СПК В. Сухаревичем и председателем Именинского сельисполкома Т. Сухаревичем найдут желание и средства, чтобы восстановить музей, потому что предполагается Именины включить в туристическую зону Дрогичинского района.

**Директор военно-исторического музея
Сергей Граник**

Наш музей надеется, что эти интересные и редкие музейные артефакты не будут утеряны.
Фото Ивана Теребунского

БЫЛО ТЯЖЕЛО

Воспоминания о своей жизни Марии Кайко из д. Именин

Кладбище уничтожили уже после войны. Кому от этого стало лучше, люди так и не поняли.

Колонна

Говорят, что тут когда-то очень-очень давно, некая паненка, которую звали Бона, заблудилась в лесу, следуя в карете из Варшавы в Пинск. Долго блуждала по этим лесам. Ей казалось, что конца леса не будет. К несчастью, ещё и карета сломалась. Молодая девушка со свитой расположилась на отдых. Она уснула под дубом, и ей явилась Мать Божья, которая попросила девушку любить эту землю и людей, живущих на ней. Несколько дней простояли они у большого дуба, и каждую ночь юной Боне являлась Мать Божья. Вскоре пришла помощь. В честь своего спасения и явления Девы Марии девушку попросила повесить на дуб икону.

Для девушки, выросшей в Европе, эти места были действительно концом света, а, по словам сопровождавшей её свиты, некой таинственной Тьмуроканью. Так и прижилось к этому месту странное для нас название Торокань.

Прошло много лет, прежде чем в этих краях была сооружена памятная колонна и построен монастырь. Колонна была круглая и высокая. Я помню её уже тогда, когда она лежала в канаве.

Монастырь

Монастырь был красивый. Туда учиться грамоте ходили почти все деревенские дети. Настоятелем монастырского храма был Донат Новицкий. Он жил с семьёй в своём доме, где сейчас школьная столовая. К этому дому после войны пристроили школьную столовую.

Помню, тогда я была малая и уже пришли первые Советы, хозяин монастыря Новицкий сбежал в Польшу. Здания начала использоваться новая власть. Разместила в них клуб. Для нас там ставили кино. Со своей подружкой я шла туда. И смотрели через окно на чудо. Интересно было. За время, пока менялась власть, имущество монастыря растаяли люди.

У нас три захиточных семьи репрессировали и выселили. Они были не поляки, но фамилии я уже не помню. Из ссылки они не вернулись. Говорят, что сгинули в Сибири.

Помню, как хоронили Тарасюка на нашем кладбище. Его дом был

около нашего. В этом доме жила когда-то его мать.

Монастырю не повезло в войну – партизаны его спалили. А церковь взорвали через 15 лет. Председатель колхоза Яхимович взорвал. Это было в 1959 г. Потому что шла борьба с религией. Он думал, что люди должны работать в колхозе, а не молиться Богу. По его просьбе из Пинска приехали сапёры и взорвали.

Война

Мы дома не ночевали. Боялись. По кустам прятались. Ночевали в землянках в поле, а иногда просто в кустах.

Помню, когда немцы отступали, мы прятались недалеко от хутора. На меже между участками была выкопана яма. В этой яме мы и сидели. Видим, едет конница на красивых конях по пшенице. Немцы нас видели. Если бы хотели, то побили бы всех до одного, но они нас не трогали. Знали, что мы мирные жители.

Партизан и немцев люди боялись. Немцы и полиция приходили днём, а партизаны ночью. Что было у них на уме, люди не знали. Боялись всех, кто ходил с оружием. Придут люди с оружием, свинью зарежут и заберут. Никто не знал, кто они и из какого отряда. Могли забрать понравившиеся кожанки и сапоги. Попробуй им не дай.

Немцы также приезжали в Именин, но еду не забирали. Солтуком при немцах был Алексей Соколовский.

Колхоз

У нас колхоз появился в 1949 г. Не было техники. Поэтому у людей забрали коней и весь инвентарь. Беднота была.

Конями пахали, сажали всё вручную. Отец мой умер ещё в войну. Мы поэтому и записались в колхоз первыми. Думали, что в колхозе нам будет легче, а было всем тяжело.

В монастыре после войны некоторое время работала сельскохозяйственная школа. Учили молодёжь на агрономов. Через несколько лет её перевели в Дрогичин.

Первым председателем колхоза был Феодосий Деркач.

Первое время я работала в бригаде. Вышла замуж в 19 лет. У нас родилась девочка. Через два месяца после рождения ребёнка нужно было идти на работу.

Пошла я на ферму доить коров. Через год мужа призвали в армию. Я осталась одна с маленьким ребёнком, но работала.

Каждый день нужно было подниматься ночью и идти к коровам. Помогали мать и дети. Их у меня вскоре стало четверо. Денег за работу не платили, а лишь ставили трудовни. Поэтому жили мы за счёт своего хозяйства. 35 лет я доила коров.

Государство требовало налоги. Сдавали лён, мясо, яйца. Был план, и нужно было его выполнять. Народ душили налогами.

Нам было очень трудно. В двенадцать часов ночи придёшь домой, а в пять утра снова нужно

начинать доить. Спишь на ходу. Проснёшься, когда в яму свалишься. В моей группе было 12 коров, а потом 25 при машинной дойке. Надаивала за год больше чем 3 тыс. литров от коровы.

Недавно я была на ферме у Сухаревича. Захотела посмотреть, как работают сегодняшние доярки. Упал доильный аппарат, доярка подняла и дальше доит. За коровами не глядят. Портят коров. Маслит не видят и всё равно доят. Пришлось работать и с нашим Героем Петей Грицуком. Для нас он не герой, а простой человек, который работал скотником. В общем, кормил телят. Ему давали всякие премии, холодильники и телевизоры. «Ек липше телята, пхалэ до Пети Грицука. Зробэлэ его героем. Шо хочуть, тое и зробіть».

В среднем за год я до 1964 г. получала 50 руб. Это были не деньги. Жизнь была тяжёлой. Беднота. Спасала нас корова. Масло, молоко, яйца возила продавать в Антополь. В магазинах там было всё. А денег у людей не было. Ходила в Антополь пешком. Нужно было и к доктору. Помню, подоила коровы и к зубному – пешком в Антополь и назад. Велосипедов не было. Сейчас старикам жить хорошо. Молодёжи может и не очень.

Клуб у нас в селе был под грушей. Играла гармонь, и мы танцевали. После войны ходили в лаптях. Мать меня научила ткать и прясть. Сейчас это никто не знает. Недавно из «пачысного» полотна пошила «радошки» и сплю. Мне простыни не нужны. Приезжают внуки, и им нравится спать на грубой льняной ткани.

Электричество появилось после 1962 г. До этого делали свечки из картофеля. Вырезали в нём дырку, клали сало, вставляли фитиль. Потом появились керосиновые лампы, но не у каждого они были.

Собирались на «вечорки». Там молодёжь общалась, слушала радио или песни пели. В то время для меня главным было выучить детей. И я их учила.

Самый лучший председатель из всех, кто нами руководил, был Якимович. Люди его уважали, потому что при нём мы хорошо зарабатывали. Председательствовали у нас ещё отец и сын Деркачи, а сейчас Сухаревич.

Мои сыновья живут в Слуцке и Петрикове, а дочери в Бресте. За ударный труд получила много грамот. Пенсия 2 млн. 600 тыс. Сама выписываю газету «Пенсионер», а колхоз выписал для меня «Народную трибуну». Профсоюз не забывает и поздравляет по праздникам.

**Директор военно-исторического музея
Сергей Граник**

ПОД ЗНАМЕНЕМ КОМИНТЕРНА...

Иван Тарасюк родился 22 апреля 1902 г. в г. Ереване. Туда на строительство Закавказской железной дороги из Именин уехали его отец и мать. Но там семья пробыла недолго. После внезапной смерти отца мать возвращается на родину. Детство у Ивана было тяжёлым. Когда парню исполнилось десять лет, его отдали пасть коров одному зажиточному крестьянину. Неожиданно грянула Империалистическая война, поэтому мать вынуждена была эвакуироваться в глубь России.

Осенью 1915 г. Тарасюки оказались в Нижнем Новгороде. События развивались стремительно. К 1917 г. Иван окончил 3 класса гимназии и поступил работать подручным слесаря на Нижегородский телеграфно-телефонный завод. Там его приняли в ЛКСМ и обязали в составе сводного молодёжного отряда милиции бороться с дезертирами.

После окончания Гражданской войны Тарасюка направляют учиться на рабфак. Однако вскоре заболела мать и в создавшейся ситуации семья решила возвращаться на родину в Именин.

Ввиду тяжёлого материального положения семьи Иван работал сначала дровосеком в Беловежской Пушче, а затем чернорабочим в Бресте-Литовском. За участие в антипольских выступлениях в 1923 г. Тарасюка арестовали и предали военному трибуналу. За политику он получил год тюрьмы. Освобождён был из заключения под надзор полиции, но это его не устроило. В апреле 1925 г. Иван Тарасюк переходит Советско-польскую границу. Его приводят в Минск для проверки органами НКВД, а затем направляют в уже

знакомый ему Нижний Новгород.

Некоторое время работает рабочим на заводе. Там Тарасюка принимают в ВКП(б). Партийная организация завода направляет молодого коммуниста на учёбу в Военно-политическую школу г. Ленинграда. По окончании школы Иван Тарасюк идет в Красную Армию на должность комиссара железнодорожного полка. Проходя службу в Ленинграде, Иван продолжает заочно учёбу в Ленинградском коммунистическом университете. После учёбы его направляют в распоряжение Восточно-Сибирского крайкома ВКП(б). Там он работает на Читинском паравозо-ремонтном заводе освобождённым секретарём парткома. Партийная организация в 1932 г. избирает Ивана Павловича делегатом 17 Всесоюзной конференции ВКП(б). В этом же году по решению Коминтерна Тарасюка направляют на подпольную работу в буржуазную Польшу. По подложным документам Иван оказывается у себя на родине и сразу же включается в революционную борьбу. Его избирают секретарём Брестского окружного комитета КПЗБ. Через три года, в 1935 г., Тарасюка арестовывает дифензива. Так он снова оказывается на три года в тюрьме.

После освобождения возвращается к друзьям по борьбе. Хотя Сталин к этому моменту распустил КПЗБ, но структуры остались и борьба продолжалась.

Вскоре грянула Вторая Мировая война. Польша пала под ударами вермахта. В создавшейся ситуации руководство КПЗБ принимает решение до прихода немцев в Западных областях поднять восстание и объявить о создании Западно-Белорусской Народной республики. Ведь в начале сентября они не знали, что Сталин введёт Красную армию в Западную Беларусь. Достали со спрятанного оружия и начали действовать. Возглавил восстание Иван Тарасюк.

В распоряжении руководства КПЗБ было более 5000 вооружённых активистов готовых к захвату власти. Однако план помешала осуществить вошедшая на территорию Польши Красная Армия.

В ожидании прихода немцев Тарасюк лично возглавил вооружённую группу в Дрогичине.

На рассвете 20 сентября повстанцам стало известно, что офицерская группа Войска поль-

На кладбище д. Именин есть братская могила, где похоронены два человека – Иван Тарасюк и Владимир Давидович. Но, к сожалению, только память об одном из погибших увековечен. Такая честь оказана лишь Ивану Тарасюку. В Дрогичине даже улицу назвали его именем, а вот о другом, Владимире Давидовиче, погибшем в том же бою и при тех же обстоятельствах, почему-то забыли. Кто же он такой Иван Тарасюк и что же такое героическое совершил?

ского, насчитывающая около 100 человек, разместилась на ночлег в школе местечка (ныне Отдел образования спорта и туризма Дрогичинского РИК). По имеющейся информации было очевидно, что поляки собираются прорываться в направлении Львова. К этому времени в отряде Тарасюка было более 50 вооружённых активистов. Он принимает решение разоружить поляков, а в случае отказа атаковать. Поляки наотрез отказались сдать оружие гражданским. После этого повстанцы, открыв стрельбу, пошли на штурм школы, следуя за Тарасюком.

Бой был коротким. Сразу же погибли Иван Тарасюк, Владимир Давидович и ещё семь активистов. Засевших польских офицеров так и не удалось выбить из здания школы. Утром поляки на автомобилях уехали в направлении Украины...

Убитых в бою повстанцев похоронили на кладбище, а Тарасюка и Давидовича родственники забрали в Именин. Аналогично развивались события и в других повстах Полесского воеводства. Восстание не удалось.

Интересным является тот факт, что на здании, где сейчас находится Отдел образования, спорта и туризма Дрогичинского РИК, до 2004 г. висела мемориальная плита. Сейчас её нет. Она исчезла. Интересно, кто и на каком основании принял такое решение? То, что произошло в центре города 20-го сентября 1939 г. - это наша история, и я думаю, будет правильно, если плита вернётся на своё место.

**Директор военно-исторического музея
Сергей Граник**

Мария Кайко.
Фото Ивана
Теребунского

Ступак Фёдор Клементьевич проживал в д. Сукачи Именинского сельского совета Дрогичинского района. Бывший начальник штаба отдельного действовавшего партизанского отряда им. Жданова Брестского партизанского соединения. Награждён орденами: Красной Звезды и Отечественной войны 1-й степени, медалями: «За отвагу», «За боевые заслуги», «Партизану Отечественной войны 1-й степени», «За победу над Германией» и многими юбилейными наградами.

Время было такое...

Фёдор Ступак родился в 1913 г. в деревне Сукачи Кобринского уезда Гродненской губернии в семье крестьянина. Его детство прошло в то время, когда Западная Беларусь находилась под Польшей и называлась «Крэсы Усходне». Родители Фёдора были простые крестьяне д. Сукачи, но, несмотря на это, очень хотели, чтобы их дети получили образование. Поэтому после начальной школы Федя идёт учиться в Кобринскую польскую гимназию.

Из воспоминаний Фёдора Ступака:

«Мне повезло. Мои родители взяли для меня в качестве крёстной деревенскую учительницу. К сожалению, поработала она в Сукачах недолго. Выйдя замуж за доктора, уехала с ним в Брест. Однако своего крестника не оставила и устроила меня учиться в гимназию».

Там он проучился семь лет и получил довольно хорошее образование. Особенно Феде нравились языки. Он и изучал их в свободное время. Так, после окончания гим-

назии он хорошо владел польским, русским и немецким языками. В то время Кобринская гимназия давала приличное образование для полешуков.

Когда Фёдору Ступаку исполнилось 25 лет, его призывают на службу в Войско Польское. Он с честью служил в одной из частей Брестского гарнизона.

Из воспоминаний Фёдора Ступака:

«На втором году службы я решил стать офицером Войска Польского. Поэтому подал документы в Брестскую гарнизонную школу подхорунжих. Началась моя учёба и служба уже в новом качестве. Основной упор был на изучение тактики ведения боя пехотой и совершенствование физической закалки и выносливости будущих командиров. Но закончить учёбу не удалось. Началась война...».

После неудачных для поляков боёв под Брестом с 17 по 21 сентября 1939 г. сдали Брестскую крепость немцам. Поддержав в крепости пленных несколько дней,

немцы распустили солдат и курсантов по домам, а офицеров передали командованию Красной Армии. Только во время оккупации в 1944 г. из немецкой газеты Ступак узнал, что всех пленных офицеров-поляков НКВД расстреляло в лагерь. Потом оказалась с хаты через окно и бросилась бежать за сарай. Но её заметили полиция и начали стрелять. Она упала, сражённая пулей. Потом оказалось, что ей повезло, прострелили мягкие ткани ноги».

Так Фёдор оказался в Антопольской тюрьме. Его практически не допрашивали. Партизан тогда не было, в связи с ними его никто обвинить не смог. Он понял, что его взяли за прошлую советскую деятельность.

Односельчане решили добиться освобождения Ступака и начали собирать продукты для выкупа. Приносили люди, кто что мог: самогон, сало и другую еду. Через несколько недель «делегация» из Сукачей привезла взятку коменданту полиции в Антополь. Организатором этой затеи была простая крестьянка Фёкла Алексейчук.

Однако через несколько месяцев временные кадры заменили на спецов с партбилетами, приехав-

ших с Восточных областей Беларуси. И из-за того, что Ступак оказался беспартийным, ему предложили должность председателя Деревнянского сельского совета. Вот как он вспоминает этот период своей биографии:

«Советская власть ощущала потребность в образованных руководящих кадрах. Поэтому меня и назначают председателем Деревнянского сельисполкома сельского совета депутатов. Тогда в состав этого сельсовета входили пять деревень: Деревная, Сукачи, Мостки, Татарья и Тыневичи. Работать было очень тяжело. Было много и тех, кто не верил новой власти и открыто или скрытно саботировал все мои распоряжения, особенно по заготовкам продуктов и поставкам в госфонд. Приходилось участвовать в раскулачивании и составлении списков неблагонадёжных элементов, подлежащих высылке в северные районы СССР. Сейчас я понимаю, что это были неоправданные репрессии со стороны новой власти. У нас в районе даже соревнования между сельсоветами были, кто найдёт больше врагов народа или раскулачит кулаков. Время было такое».

На этой должности Ф.К. Ступак и работал до начала Великой Отечественной войны. Он знал, что немцы могут его арестовать. Ведь он был руководящим кадром Советской власти.

Из воспоминаний Фёдора Ступака:

«В первых числах января 1942 г. меня арестовали. Видимо, кто-то из сельчан донёс немцам, что я бывший председатель сельсовета. Интересным было и то, что за мной приехали не немцы, а их прислужники полиция. Увидев, что немцы идут в хату, моя семнадцатилетняя сестра выпрыгнула с хаты через окно и бросилась бежать за сарай. Но её заметили полиция и начали стрелять. Она упала, сражённая пулей. Потом оказалось, что ей повезло, прострелили мягкие ткани ноги».

Так Фёдор оказался в Антопольской тюрьме. Его практически не допрашивали. Партизан тогда не было, в связи с ними его никто обвинить не смог. Он понял, что его взяли за прошлую советскую деятельность.

Односельчане решили добиться освобождения Ступака и начали собирать продукты для выкупа. Приносили люди, кто что мог: самогон, сало и другую еду. Через несколько недель «делегация» из Сукачей привезла взятку коменданту полиции в Антополь. Организатором этой затеи была простая крестьянка Фёкла Алексейчук.

Взятку взяли, но Ступака не выпустили и суд не отменили. На за-

седание суда снова пришла делегация из деревни. Учитель Петрусик заявил высокому суду: «Если его расстреляете, то стреляйте и меня». Это заявление рассмешило немецкого офицера, и он согласился выпустить задержанного. Однако покоя семье Ступаков полиция по-прежнему не давала. Они жили в ожидании ареста и смерти. Выдержав это было невыносимо тяжело. Поэтому их семья из четырёх человек уходит в партизаны.

Из книги «Память» Берёзовского района: «Отряд им. А.А. Жданова организован в октябре 1943 г. До 28 ноября 1943 г. боевые операции проводил самостоятельно. На день соединения с частями Красной Армии насчитывал 155 партизан.

Командир отряда — Славнов Владимир Фомич (с октября 1943 г. по июль 1944 г.). Начальник штаба отряда Ступак Фёдор Климентьевич (с мая 1944 г. по июль 1944 г.).

Из воспоминаний Фёдора Ступака:

«Командиром отряда был кадровый военный Владимир Славнов. Это был грамотный и требовательный офицер. Он всегда готовил боевые операции и для их выполнения тщательно подбирал людей. Мы вместе с другими отрядами громили вражеские гарнизоны, склады с горючим, совершали диверсии на шоссейных и железной дорогах... Сначала я командовал диверсионным взводом. Днём, было, отсыпаясь, а когда стемнеет, идём выполнять боевое задание. Нас тогда так и называли: «ночные волки».

Из документов НА РБ: «27.09.43 г. д. Тыневичи: немцы в кол. около 100 чел. с вооружением 2 миномёта, 2 станковых пулемёта, 6 ручных пулемётов и до 8 автоматов с целью сбора контингента и истребления народа. Под руководством Ивана Павловича я со своей группой в количестве 25 человек пошёл в наступление на д. Тыневичи. Кроме группы Ивана Павловича и моей участвовало ещё до 12 человек из других отрядов. В результате боя потери со стороны немцев составили 11 убитых и 4 человека раненных. Трофеев нет. С нашей стороны только 2 человека ранены, из актива. Отличились: Ступак Ф., Павловский Р., Грицук В., Мацука Ф.».

«1.10.43 г. местечко Антополь: Под руководством Ивана Павловича я со своей группой совместно с другими отрядами вошёл в Антополь с целью разбить постерунок. Вели бой около 4-х часов. После чего отошли на свои базы. Потерь из моей группы нет. Отличились Грицук В. и Четырбок Н.».

«9.10.43 г. д. Гошево: немцы в количестве до 60 чел. выехали в район с целью сбора продуктов. Я со

своей группой совместно с группой полковника (8 чел.) вступили в открытый бой. В результате боя потеря со стороны немцев убитых 4 чел. (2 немца и два полицая) С нашей стороны потерь нет. Трофеев нет. Отличились: Прокопчик С., Шайнович Л., Шайнович А., Ступак Ф.».

«30.10.43 г. Район между д. Вулька Антопольская и Горицы: с 29 на 30 октября была заложена мина. Утром на эту мину наехала автомашина с немцами. В результате одна автомашина была взорвана, убито 15 немцев. Операция прошла без боя. Отличились: командир взвода Лагодюк А. и командир отд. Ступак Ф.».

«16.11.43 г. Шоссейная дорога в районе между Дрогичином и ст. Дрогичин: С 15 на 16. 11.43 г. была заминирована шоссейная дорога между Дрогичином и ст. Дрогичин. В результате чего одна машина и два немца были взорваны. Отличились: командиры взводов Ступак Ф., Лагодюк А. и Саливончик И.» (З, Док. НА РБ)

16 июля 1944 г. отряд им. А. Жданова соединился с частями Красной Армии. Через несколько дней Фёдора Ступака призвали на фронт. Воевал он в составе стрелкового полка и участвовал в боях под Варшавой. Однако вышел приказ Сталина вернуть с фронта кадры в освобождённые районы для работы по восстановлению хозяйства. Так Фёдор Климентьевич оказался в Антополе. Его назначают заместителем председателя райисполкома.

Из воспоминаний Фёдора Ступака: «Я всегда боролся за правду и никого не боялся. За это и терпел от начальства. А начальники были в основном приезжие и за это меня недолюбливали. Причём это было так открыто, что даже из партии исключили. Особенно усердствовал второй секретарь Антопольского райкома партии Зайцев. Он обвинил меня в «систематическом пьянстве». Обвинение было абсурдным, потому что все знали, что спиртного я вообще не пил. Могли ведь сфабриковать донос и отправить в лагерь. Время было такое».

Оставшуюся жизнь до ухода на пенсию Фёдор Климентьевич трудился в колхозе «Родина» и выше должности бригадира не поднимался. После ухода на пенсию в 1973 г. ещё 15 лет работал лесником.

После смерти Сталина его персональное партийное дело было пересмотрено Брестским обкомом КП(Б) и он был восстановлен в партии. Справедливость восторжествовала. Время было такое...

**Учитель Именинской СШ
Наталья Гириш**

Через две войны

В Военно-историческом музее им. Удовикова хранятся некоторые документы бывшего Дрогичинского райкома партии. Одна из папок имеет важную историческую ценность для нашего музея. В ней собраны документы об участниках Гражданской войны проживавших в районе в канун 50-летия Великой Октябрьской Социалистической революции. Тогда поступила команда наградить всех участников революции и Гражданской войны. Их наградами стали орден Ленина и почётные грамоты. Вот что в этих райкомовских документах значится о Феоdosии Андреевиче Гайчуке из д. Именин.

Родился он в 1901 г. в д. Именин Кобринского уезда Гродненской губернии в семье крестьянина-бедняка. До Первой мировой войны успел окончить четыре класса церковно-приходской школы.

Вместе с родителями в 1915 г. Феоdosий был эвакуирован в Самарскую губернию России. Шла Первая мировая война. Семья жила в одной из деревень недалеко от Ново-Николаевска.

Когда начала формироваться Красная Армия, 17-летний юноша, не задумываясь вступает в её ряды. С августа 1918 г. принимает участие в боях с белоказаками под Оренбургом и Царицыном. В одном из боёв был ранен. После госпиталя его направляют в 25-ю Чапаевскую дивизию. В этой дивизии служило много полешуков, в том числе командиры полков Сидор Кукса и Василий Зосик. В

одном из батальонов Сидора Куксы и оказался юноша из Именин.

Вместе с дивизией участвовал в ожесточённых боях с колчаковцами под Уфой и на Урале.

В начале 1920 г. Сидор Кукса направляет Феоdosия Гайчука на курсы младших командиров. После учёбы молодой командир участвует в составе 11-й Петроградской стрелковой дивизии в походе на Варшаву. С осени 1920 г. его 192-й Петроградский полк перебрасывают на Карельский перешеек, что на границе с Финляндией.

В мае 1922 г. Феоdosий демобилизовался и вернулся на Родину в д. Именин, где уже была Польша. Вернулись из беженцев и его родители. Так он стал крестьянином на хозяйстве отца, а затем и на собственном хозяйстве.

В годы Великой Отечественной войны Феоdosий стал партизаном отряда им. Кирова Брестского соединения. Сражался с врагом на территории Антопольского, Берёзовского и Дрогичинского районов. Учил военной науке молодёжь, используя богатый опыт со времён Гражданской войны.

За мужество и героизм в годы войны Гайчука наградили медалями «За боевые заслуги» и «Партизану Отечественной войны» 2-й ст.

Одним из первых в начале 1949 г. Феоdosий вступает в колхоз. Его назначают бригадиром полеводческой бригады.

С 1955-го по 1967-й гг. в связи с ухудшением здоровья Гайчук трудится кладовщиком, полеводом и сторожем.

В 1957 г. Феоdosий Андреевич становится членом КПСС. В этом году ему исполнилось 56 лет.

Много пережил и повидал за свою жизнь этот легендарный человек. Память о своём земляке, прошедшем через две войны мы должны сохранить.

**Директор военно-исторического музея
Сергей Граник**

МЕМОРИАЛ 1941-1945

**ВОИНЫ КРАСНОЙ АРМИИ, ПАРТИЗАНЫ И ДОБРОВОЛЬЦЫ -
УРОЖЕНЦЫ ИМЕНИНСКОГО СЕЛЬСКОГО СОВЕТА, ПОГИБШИЕ В
БОРЬБЕ С ФАШИЗМОМ В ПЕРИОД С 1937 ПО 1945 ГОДЫ**

Феномен Василия Омельянчика

На сайте ГУО «Хомская СШ» есть список выпускников, которые прославили родную школу своими трудовыми достижениями. Среди помещённых там коротких данных я нашёл фамилию Василия Омельянчика. После этого начал собирать материал об этом человеке. И не зря.

Детство, опаленное войной

Родился Василий Иосифович Омельянчик в 1931 г. в м. Хомск Дрогичинского повета Полесского воеводства Польши в многодетной крестьянской семье. Он был старшим ребёнком у отца, поэтому по праву старшего сына помогал отцу больше других. Без земли в то время прожить было невозможно. Учитывая это, семья Иосифа Омельянчика трудилась на своём наделе от зари до зари. Приходилось подростку пахать, косить и пастись коров. В общем, детство было трудным, как и у большинства крестьянских детей.

Когда пришло время, Василий пошёл учиться в польскую школу. Занятия были на польском языке. Вскоре всё резко изменилось. Грянула Вторая мировая война. Германия напала на Польшу. Было очень тревожно. Люди не знали, что происходит. Вскоре пришла Красная Армия, и территория Западной Беларуси вошла в состав БССР.казалось, что наконец-то наступил мир. В школы приехали советские учителя, и процесс обучения пошёл на белорусском языке.

Однако в июне 1941 г. началась Великая Отечественная война. В это время Василию было только 10 лет. То, что творили оккупанты, запало в душу сельского паренька. На всю жизнь остались в памяти события, связанные с уничтожением карателями из СС еврейского населения Хомска. В один день 16 августа были уничтожены все евреи, в том числе и дети, с которыми дружил и учился Вася Омельянчик. Тогда Вася думал, что расстреляют и их. От происходящего вокруг, выстрелов и страха дрожь пронзала детское тело. Он хорошо запом-

нил то, как мать, прижимая детей к себе, успокаивала их, говоря: «Не бойтесь, Бог нас спасёт!».

Годы оккупации были самыми тяжёлыми и страшными. Хомск, как и сотни деревень Беларуси, был полностью уничтожен оккупантами.

В один из летних дней 1943 г. взбесившиеся от частых нападений на полицейские участки немцы окружили Хомск, а пойманных жителей расстреляли. В тот страшный день были убиты 193 жителей. Лишь благодаря случайному стечению обстоятельств Василий Омельянчик остаётся в живых. В тот трагический день он был в лесу. Однако и его семья пострадала от фашистских извергов. Были убиты бабушка и маленькая сестричка Нина, а дом сожжён. В тот трагический день от деревни осталось одно пепелище. Уцелевшие жители, боясь повторения карательной акции фашистов, ушли жить в лес.

Вот как об этом вспоминает Василий Омельянчик:

«Зимой жили в землянке, летом – в наскоро сколоченном сарайчике, стойко перенося холод и голод. Какое-то время жили вместе с партизанами, а потом нас приютили дальние родственники из соседней деревни Заеленье. Было семье ещё тяжело и от того, что отца по доносу арестовала полиция. Он был посажен в Дрогичинскую тюрьму, а оттуда отправлен на каторжные работы в Германию. Хорошо, что отец остался жив и вернулся домой после войны».

После освобождения Хомска Красной Армией нужно было продолжать жизнь в разрушенной войной стране. Жилья не было, люди жили в наспех сооружённых землянках или сараях. Голодали и страдали, как и в войну, однако радовало то, что оккупация закончилась.

Василий Омельянчик вспоминает: «Я ходил в школу в соседнюю деревню, так как Хомск лежал в руинах. Это продолжалось несколько лет, пока в нашей деревне не построили новую школу. Жили в нищете. Обувки не было. Я научился делать лапти из липового лыка. Это была относительно хорошая обувь для лета. А вот на осень и зиму приспособился делать обувь из телячьей кожи. Вырезал по форме ноги лоскут кожи, а затем по краям делал дырки, в которые вставлял шнурок для стягивания. Это изделие было похоже на чуль. Так и ходил.

Уроки учил при лучине и свечах. Писать приходилось на газетных обрывках между строк, потому что тетради были большой редкостью. Чернила нам делал отец, мешая воду и сажу. Чернильницей же служила простая стеклянная бутылочка. Радовался положенному в торбу со школьными принадлежностями куску испечённого матерью хлеба. Его запах помню и сейчас, потому что сытнее еды в то время не было ничего».

Несмотря на трудности, Василий Омельянчик учился старательно и хорошо. В 1951 г. он окончил Хомскую СШ. Это был её первый выпуск.

Дорога в жизнь

Нужно было учиться дальше. Василий решает поступать в Белорусский политехнический институт. Неожиданно высказывает родителям своё желание и просит денег на поездку в Минск для сдачи экзаменов. Родители понимали, что у Васи есть способности и он должен учиться. Вступительные экзамены сдал на «отлично». Его зачисляют студентом на автотракторный факультет института.

Непростой была жизнь студентов-выходцев из деревни. Родителям, работавшим в колхозе, денег не платили, поэтому вместе с другими сокурсниками Василий часто подрабатывал на разгрузке вагонов и овощных базах. Иосиф Омельянчик мог иметь деньги только от того, что вырастил на земле, или продавал на рынке в городе мясо и молоко. Денег постоянно не хватало. Спасала небольшая стипендия.

Но вместе с тем в Минске учиться было интересно. По возможности студенты занимались спортом, посещали музеи и театры. За время учёбы Василий Иосифович значительно поднял свой культурный и духовный уровень.

После получения диплома мо-

лодого инженера направляют работать на Горьковский автомобильный завод. Там и прошло его становление как специалиста и инженера.

Занятие по душе

26 августа 1956 г. Василия Омельянчика назначают мастером в цех по сборке шасси автомобилей. Это была первая должность, которую он должен был обязательно пройти.

Не стоял в стороне молодой инженер и от общественной работы. На протяжении нескольких лет он возглавляет заводской совет молодых специалистов и активно работал в комитете комсомола.

Василий Иосифович о своих первых трудовых годах на заводе вспоминал:

«Если человек хочет чего-то добиться в работе, он должен «заболеть» ей, должен быть увлечён своим трудом – тогда и только тогда из его затеи выйдет что-либо настоящее. Иногда умные, талантливые люди тратят жизнь зря, не имея должного интереса к результатам своего труда. По моему мнению, нужно выбрать занятие себе по душе. Иначе мало чего добьёшься в работе и в жизни».

Работая на автозаводе, Василий Омельянчик встретил там свою любовь. Его женой стала Маргарита Крестовоздвиженская, с которой познакомился ещё во время прохождения практики в студенческие годы на ГАЗе. Завод для молодых специалистов выделил квартиру. Вскоре в семье появились дочь Татьяна и сын Сергей.

В отношении карьеры Василию здорово повезло. Спустя три года его назначают заместителем начальника цеха сборки шасси по технической части.

Эта должность была в какой-то степени творческой и ему нравилась. Шла реконструкция сборочных цехов завода. Велась работа по внедрению новой техники. Василий был инициатором введения в строй первой автоматической линии по обработке крестовины карданного вала на базе силовых головок «Рено». Производственная деятельность становилась всё более интересной и полностью захватила молодого инженера.

Приходилось с целью изучения передового мирового опыта в автомобилестроении часто бывать за границей. Первой такой командировкой была поездка в 1964 г. на выставку автомобильной техники в Алжир, где он представлял павильон Советского автозавода ГАЗ.

Далее в течение двух лет Василию Иосифовичу пришлось трудиться представителем завода ГАЗ в фирме «Скалдия-Волга» в Брюсселе. Там он изучал опыт мирового автомобилестроения, часто бывая на заводах «Форд», «Фиат», «Фольксваген» и др. известных фирм.

После возвращения из Бельгии Василия Омельянчика ждало очередное повышение в должности. Его назначают начальником цеха №1 сборки шасси, а через год заместителем начальника сборочного цеха мостов автомобилей.

Из характеристики на Василия Омельянчика, написанной при назначении на должность главного инженера производства мостов грузовых автомобилей:

«...Работая с 1960 г. по 1968 г. зам. начальника цеха Шасси-2 по механической части. С января 1968 г. по август 1969 г. начальником цеха Шасси-1, затем зам. начальника корпуса Шасси по реконструкции. Зарекомендовал себя технически грамотным специалистом и хорошим организатором производства».

На этой должности Василию Иосифовичу пришлось строить новый, девятый, корпус завода по сборке мостов автомобилей. Это была ударная всесоюзная молодёжная стройка, которую часто посещали руководители ЦК КПСС и Совета Министров СССР. Омельянчику работа по строительству новых сборочных цехов нравилась, и он ей отдавал всё свободное время в т.ч. и выходные дни. Стройку необходимо было завершить в установленный партией срок.

Вот как об этом периоде жизни вспоминает Татьяна Васильевна, дочь Омельянчика:

«Отец в это время работал действительно много. Уходил на работу рано утром, когда мы ещё спали, а приходил зачастую в одиннадцать часов вечера. Но, тем не менее, он находил время и для нас. Интересовался нашей учёбой и занимался с нами. Посещал школу, где мы учились, и помогал директору в решении возникших там проблем».

Самыми напряжёнными для Омельянчика были 1971-1972 гг. Без остановки основного производства необходимо было перевозить оборудование старого корпуса завода, в новый. Большое значение в этот период для производства имело оборудование. Василию Иосифовичу приходилось много ездить по Союзу и за границу с целью приобретения передовых технологий. Результатом переговоров являлась закупка высокопроизводительного оборудования всемирно известных фирм: «Глиссон» (США) – зуборезного оборудования, «Кросс»

Выпускники Хомской школы 1947 г.
Василий Омельянчик стоит крайний слева

(США) – автоматических линий для сборки ступиц новых автомобилей, а также автоматической линии для сборки коробки сателлитов, прессового оборудования фирмы «Аида» (Япония), сварочного оборудования фирмы «Кука» (ФРГ), оборудования фирмы «Геллер» (ФРГ) для обработки картера заднего моста, оборудования фирмы «Георг Фишер» (Швейцария) для обработки цапф, шлифовальное оборудование фирмы «Нипей» (Япония) для обработки различных деталей.

Из отечественного оборудования были закуплены минские автоматические линии, предназначенные для обработки картера редуктора и московские линии завода им. Орджоникидзе для обработки балки передней оси.

После подписания контрактов на поставки оборудования Василию Иосифовичу часто приходилось бывать за границей. Его знания необходимы были также и для проверки качества приобретаемого оборудования на месте его производства. Иностранные партнёры условия контрактов выполняли точно и в срок.

Коллектив педагогов
Хомской школы.

И вот новое назначение. В 1973 г. наш земляк становится управляющим ПМГА (Производства мостов грузовых автомобилей) советского автогиганта.

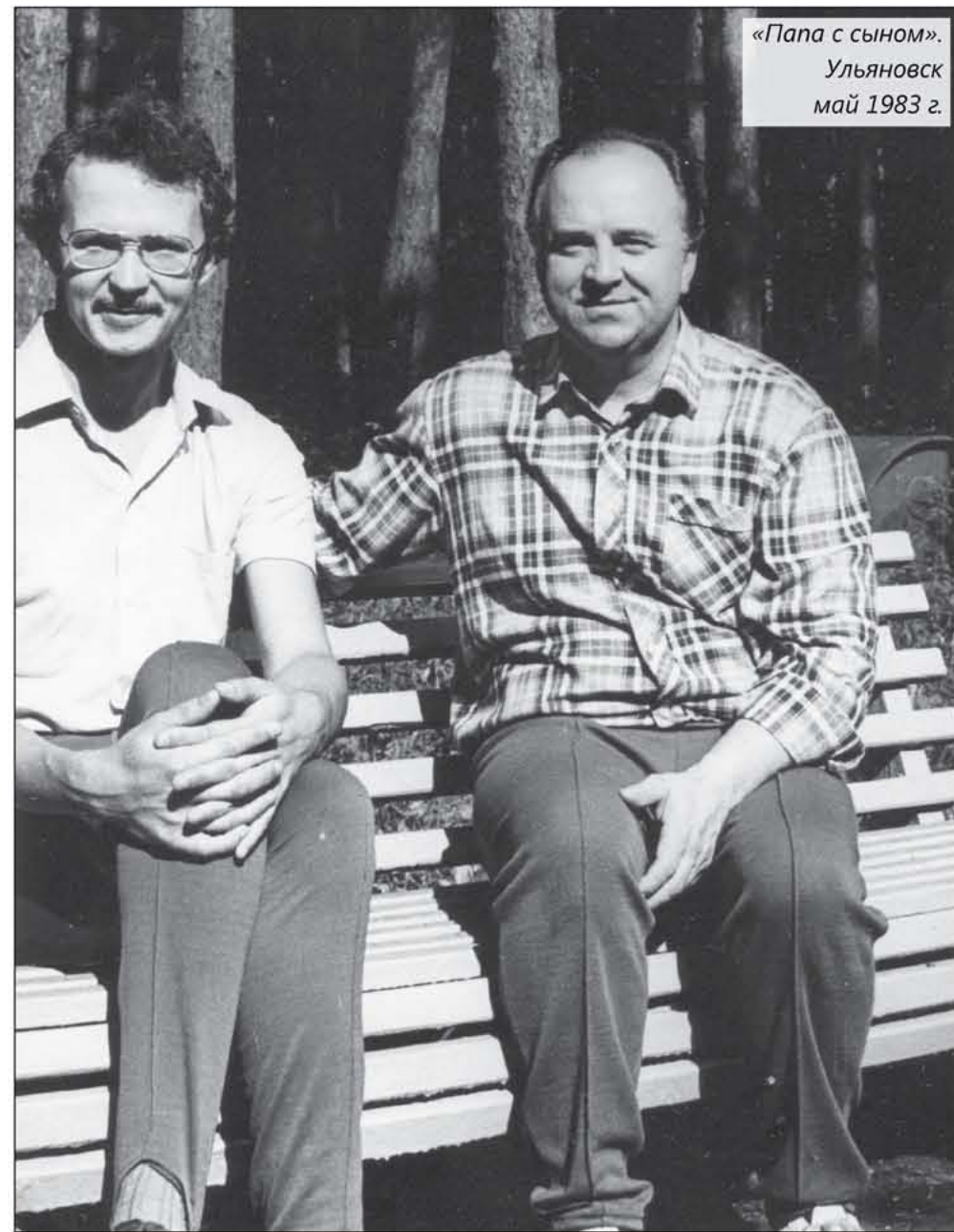
В это время начался выпуск новых автомобилей ГАЗ-53-А и ГАЗ-66.

План 9-й пятилетки автомобилестроителями был выполнен досрочно. За успехи в производственной деятельности Указом Президиума ВС СССР Василий Омельянчик был награждён Орденом Трудового Красного Знамени.

За двадцать лет трудовой деятельности наш земляк прошёл путь от мастера цеха до директора Завода мостов грузовых автомобилей ГАЗа.

Однако продвижение по служебной лестнице Василия Омельянчика не закончилось. В январе 1978 г. он был назначен заместителем генерального директора Автогиганта по развитию – начальником Управления капитального строительства промышленных сооружений и зданий ГАЗа. В этой ответственной должности он проработал два года.

Феномен Василия Омелянчика

«Папа с сыном».
Ульяновск
май 1983 г.

От директора автозавода до замминистра

И вот новое назначение – на этот раз директором Ульяновского Автомобильного завода им. Ленина – ПО «Авто-УАЗ».

На новом месте Василию Иосифовичу пригодился опыт и знания, которые он получил на ГАЗе. На заводе под его руководством резко возросла производительность труда и качество производимых автомобилей. Василию Иосифовичу чужды были роскошь и помпезность. Жил он в обычной городской квартире, а на работу ездил на родном УАЗике. Люди уважали Омелянчика за скромность и доброту, за то, что он был доступен в общении, как на производстве так и дома.

На Ульяновском автозаводе наш земляк проработал 6 лет. За успехи в выполнении плана 8-й пятилетки по производству автомобилей и в связи с 65-летием советского автомобилестроения Василий Омелянчик был награжден вторым орденом «Трудового Красного знамени».

Василий Омелянчик
с супругой.
Ульяновск, 1983 г.

Через некоторое время по предложению Председателя Совета Министров СССР Николая Рыжкова Омелянчика назначают заместителем Министра Автомобильной Промышленности СССР. Там он трудится под руководством Министра Николая Пугина с которым длительное время работал на ГАЗе.

В новой должности Василия Иосифовича избирают делегатом 27-го съезда КПСС. А это свидетельствует о большом доверии Ульяновской городской партийной организации.

Из характеристики на первого заместителя Министра автомобильной промышленности СССР Василия Омелянчика:

«Работая первым заместителем Министра т. Омелянчик В.И. вносит большой вклад в развитие отрасли, принимает непосредственное участие в вопросах планирования, организации труда и повышении эффективности производства».

На этой должности и работал наш земляк из д. Хомск Василий Омелянчик до ухода на пенсию.

В настоящее время он проживает в Москве. По словам тех, кто с ним общается, его всегда сильно тянуло на Родину, в д. Хомск, туда, где прошло опаленное войной детство, где прошли школьные годы, где вместе с друзьями он ходил в лес за грибами и ягодами и конечно же рыбачил в тихих заводях Ясельды. Именно там в него был заложен талант руководителя управленца и стремление к учёбе.

Поразмыслив над биографией нашего знаменитого земляка, я прихожу к выводу, что Василий Омелянчик – это феномен простого деревенского парня из Полесья, который своим трудом добился всего и прошёл по карьерной лестнице путь от мастера заводского участка до заместителя министра Автомобильной Промышленности СССР. Думаю, что мы должны по праву гордиться этим знаменитым и достойным своим земляком внесшим большой вклад в развитие советского автомобилестроения.

Большую помощь в подготовке данного материала оказала одноклассница Василия Омелянчика по учёбе в Хомской СШ София Смульская (Бартош), которая сейчас проживает в г. Пинск и хранит дружеские отношения с Василием Иосифовичем и его семьёй.

**Директор военно-исторического музея
Сергей Граник
Фото из семейного архива
семьи Омелянчиков**

Палессе адзін з малавывучаных рэгіёнаў сучаснай Беларусі. Яго загадкаваць заключаецца ў першую чаргу ў людзях, што шмат тысячагоддзяў таму пасяліліся на ўзвышшах, пранізанных шматлікімі ручаімі і рачулкамі сярод неабсяжных балаці.

Здаецца, на першы погляд, людзі павінны былі абыходзіць гэтыя гіблыя месцы, але ж для палешукоў лясныя і балотныя абшары былі ўтульнымі, бо, як правіла, ворагі і рабаўнікі сюды не ішлі.

Больш за 25 000 год таму назад, у перыяд палеаліту, на Загородскім узвышшы з'явіліся першыя людзі. Менавіта аб гэтым сведчаць артэфекты, выстаўленыя ў нядаўна адкрытым Мотальскім музеі археалогіі. Там сабраны тысячы рэчаў першабытных людзей, якія прыйшлі на Палессе пасля адыходу ледавіка. Гэта прадукты культуры і жыццядзейнасці першабытнага чалавека. Музей вельмі цікавы ў сэнсе пазнання далёкай мінуўшчыны Загороддзя і дапаўняе падручнікі па гісторыі.

З перыяду мезаліту і неаліту пачалося больш актыўнае засяленне міжрэчча Ясельды і Прыпяці. У эпоху бронзы на Загородскім узвышшы з'явіліся шматлікія буйныя пасяленні. Гэта прывяло да складвання тут у VII-VI ст. да н.э. самабытных Мілаградскай і Зарубінецкай культур. Менавіта прадстаўнікі гэтых культур і стварылі для нас першыя славянскія помнікі і артэфекты, што дазволіла вучоным лічыць Палессе месцам, дзе з'явіліся першыя славяне на тэрыторыі сучаснай Беларусі. Людзі таго перыяду без лесу і дрэва абысціся не маглі. Найбольш значнымі ў вераваннях палешукоў дрэвамі былі дуб і бяроза. Менавіта дуб і называлі лясным Волатам – абаронцам людзей.

Прыродныя ўмовы нашай мясцовасці вызначылі на доўгі час развіццё і самабытнасць культуры палешукоў. Яна была звязана з выкарыстаннем у архітэктуры і дойлідстве дрэва, бо гэта быў самы даступны і просты ў апрацоўцы будаўнічы матэрыял.

Лес займаў важнае значэнне ў жыцці палешукоў. Ён даваў матэрыялы для будаўніцтва і хатніх вырабаў, вызначаў асноўныя промыслы. На працягу вякоў тэма дрэва шырока ўвайшла ў багатую спадчыну духоўнай культуры нашага народа. З дрэвам звязаны легенды, песні, казкі, вераванні і абрады. Роля лесу ў жыцці мясцовага насельніцтва адлюстравалася і ў тапанімічных назвах – Дуброва, Дубавое, Дубраўкі, Ліпнікі, Осаўцы, Асаўляны, Вялікі Лес, Залессе і інш.

Нашы продкі на працягу доўгага часу выкарыстоўвалі лес для будаўніцтва сціплых жылых і гаспадарчых пабудов. З-за адсутнасці каменя ўзводзілі нават замкі і крэпасці з дрэва. Нам добра вядома, што сярэдневяковая крэпасць Жабер была ўмацавана дубовымі сценамі, забутаванымі пяском і глінай.

Але ж, калі ў наш край прыйшло хрысціянства, то пачалі будаваць з дрэва храмы і манастыры. Багатая шляхта не ганьбавала дрэвам і ўзводзіла для сябе нават драўляныя сядзібы, палатцы, ратушы, гандлёвыя рады і шматлікія масты. Такім чынам, драўлянае дойлідства ўзяло на сябе ўвесь комплекс задач, уласцівых манументальнай архітэктуры сярэдневяковага Загороддзя.

У эпоху феадалізму ў асноўным захавалася культавая архітэктура сярэднявечча, але ў ёй з'явілася і шмат новых прагрэсіўных элементаў. Рэлігія мела вельмі вялікае значэнне ў жыцці чалавека, таму пры будаўніцтве храмаў працягвалі сапраўдны геній народных майстроў. Простыя дойліды стваралі пры абмежаваных магчымас-

Стары праваслаўны
храм у в. Валавель

Дрэва ў жыцці палешукоў і традыцыйным культавым дойлідстве на Драгічыншчыне

цяж дзіўнай прыгажосці пабудовы. Некаторыя з іх захаваліся да нашага часу і здзіўляюць нас сваёй непаўторнай народнай архітэктурай.

У нашым раёне таксама ёсць некалькі храмаў XVIII стагоддзя. Усе яны будаваліся ў стылі барока, як уніяцкія. Характэрнай асаблівасцю культавага дойлідства для Заходняга Палесся было будаўніцтва храмаў са званіцамі, што адрознівала мясцовую храмавую архітэктуру ад усходнебеларускай. Гэты стыль з'явіўся пад уплывам готыкі ў канцы XVI ст. і прыйшоў на Палессе з Польшчы.

З 1836 г. пачаўся працэс масавай перабудовы ўніяцкіх цэркваў у праваслаўныя, і выкліканая гэтым працэсам змена архітэктуры і ўнутранага ўбранства. Прыехаўшы з Расіі праваслаўныя святары рабілі ўсё па іх разуменню. Перароблены былі іканастасы ў Папіне, Вавулічах, Зэлаве, Валаўлі, Ліпніках, Брашэвічах, Дзеткавічах і Драгічыне.

Некаторыя асаблівасці ў архітэктуры мае царква Раства Багародзіцы ў Вавулічах, пабудаваная ў 1737 г. Яна адносіцца да тыпу адназрубных храмаў падоўжана-восевай кампазіцыі. Захавалася і вертыкальная ашалёўка, якая прыдае архітэктуры храма пластычнасць. Такого тыпу драўляныя цэрквы былі пабудаваны ў Ласінцах, Осаўцах, Ліпніках, Брашэвічах, Дзеткавічах і Дзераўной.

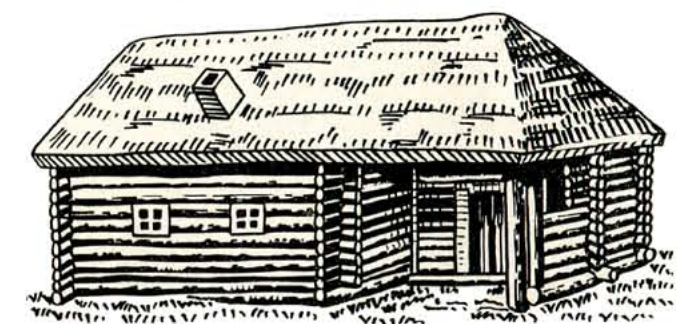
Вельмі цікавым для даследчыкаў з'яўляецца тып храмаў, якія сфарміраваліся пад уплывам мураванай архітэктуры барока. Да гэтага архітэктурнага стылю адносяцца цэрквы Святога Георгія ў вёсцы Валавель (1766 г.) і Троіцкая царква ў вёсцы Бездзеж (1784 г.). Але і гэтыя пабудовы маюць свае адрозненні. Калі ў Бездзежы храм з'яўляецца адназрубным, то ў Валаўлі двухзрубны. Для гэтага стылю архітэктуры характэрны вежы. Таму дзве вежы, якія завярша-

юцца шасцерыковымі шыямі, мы і бачым ля цэнтральнага ўваходу ў храм.

Усе драўляныя цэрквы ў нашым раёне з'яўляюцца помнікамі народнага дойлідства і ахоўваюцца дзяржавай. Многа цікавага можна даведацца пра культавую архітэктуру Заходняга Палесся ў даведчаных выданнях. Шмат чаго, на жаль, не захавалася да нашага часу. У часы атэізму зніклі драўляныя праваслаўныя цэрквы ў вёсках Ліпнікі, Брашэвічы, Дзераўная, Белін, Гутава, Дубраўкі, Каралін. Значнымі былі і знішчэнні ў мястэчках Антопаль, Хомск і Драгічын падчас вайны і пасля яе культавых пабудов яўрэяў, а таксама каталіцкіх касцёлаў, якія мелі ўнікальную драўляную архітэктуру. На жаль, аднавіць іх ужо немагчыма.

Драгічынскі Ваенна-гістарычны музей імя Удовікава вядзе працу па стварэнню буклета «Страчаныя святыні Драгічыншчыны», у якім будзе інфармацыя пра тыя храмы розных рэлігійных канфесій, якіх ужо няма, але ж памяць пра іх у людзей павінна застацца.

**Дырэктар метадычнага цэнтра
аддзела ідэалагічнай работы,
культуры і на справах моладзі
Алеся Стасюк**

Драўляная хата ў Драгічыне. Малюнак к. XVIII ст.

ЗВЫЧАЙНЫЯ РЭЧЫ

Цікавымі артэфактамі папоўніліся фонды нашага Ваенна гістарычнага музея вясной. Зборам іх займаўся дырэктар Сяргей Гранік. Гэтыя рэчы прыйшлі да нас з розных населеных пунктаў раёна, але нягледзячы на звычайнасць, мелі важнае значэнне у жыцці сельскіх жыхароў. Аб гэтым сведчыць іх працяглае выкарыстанне.

ПАСТКА

За апошнія некалькі год мы сабралі неблагую каллекцыю пастак. Гэта сведчыць аб тым, што чалавек выкарыстоўваў у барацьбе з грызунамі не толькі катоў, але і механічныя прыстасаванні ўласнай канструкцыі. Барацьба з пацукамі вялася сельскім гаспадаром і ўдзень, і ўначы, бо капітуляцыя магла прывесці да поўнага знішчэння сабранага ўраджаю. Таму чалавек разумеў, што з пацукамі нельга сябраваць – іх патрэбна знішчаць.

Вось адна з нядаўна знойдзеных у вёсцы Крамна пастак. Адметнасць гэтай занаходкі у яе памерах і прынцыпе дзення.

Алег Ясковіч
Фота Івана Церабунскага

БУБЕН СЕЛЬСКАГА ВАЛАЦУГІ

Гэты артэфакт удалося знайсці ў старой хаце вёскі Равіны. Унікальным з'яўляецца тое, што бубен быў ручной работы і, відавочна, доўга служыў свайму гаспадару на сельскіх вячорках, святах і вяселлях. Магчыма, на падпітку яго рытмічныя гукі абуджалі духаў, і чалавек сам пачынаў танчыць у рытм гуку. Рэч несумненна цікавая і гучыць ладна.

ТАЧЫЛЬНЫ КАМЕНЬ

Не кожны сялянскі падворак меў у абыходзе тачыла. Але калі меў, то аказваў паслугі вяскоўцам у вастрэнні жалезных прылад. Гэты камень быў завезены ў нашы мясціны з далёкай Амерыкі, калі нашы хлопцы ў пачатку XX-га стагоддзя ездзілі туды на заробкі. Вось адзін з жыхароў вёскі Заніўе і прывёз адтуль некаторыя прылады. Сярод іх аказаўся тачыльны камень. Яго вы і бачыце на фота.

Военно-исторический музей
им. Д.К. Удовикова г. Дрогичина,
клуб историков "Краевед".

Адрес редакции:

225612, Брестская обл., г.Дрогичин, ул. Ленина,
163. Тел.: 801644-3-14-22;
e-mail: dwhm@tut.by
Газета издается на русском и
белорусском языках.
Тираж 200 экземпляров.
Редакция ответственности за
правильность изложенных фактов не несет
и рукописи не возвращает.

Редколлегия:

Сергей Граник - главный редактор,
директор Военно-исторического музея
им. Д.К. Удовикова г. Дрогичина;
Олег Яскович - технический редактор;
Наталья Федосюк - главный хранитель
фондов Военно-исторического музея
им. Д.К. Удовикова;
Иван Леончик - фотограф;
Алесь Стасюк - директор методического
центра отдела идеологии, культуры и
по делам молодёжи Дрогичинского
райисполкома.

НАШ САЙТ:
WWW.D-MUSEUM.BY

